

СТАНИСЛАВ РЕМ

СВЕТ ВЕНЦА

Станислав Рем

Свет венца

«Автор»

2017

Рем С.

Свет венца / С. Рем — «Автор», 2017

30 августа 1918 года. В Петрограде убит Председатель Петроградской ЧК М. С. Урицкий. В Москве совершено покушение на В.И. Ульянова (Ленина). Насколько связаны между собой два этих события? А если связаны, кто стоит за преступлениями? На эти, и не только эти вопросы предстоит ответить московским и питерским чекистам. Роман «Свет венца» является прямым продолжением романа «Вкус пепла». Стихи Нины Дьяковой и Леонида Каннегисера.

© Рем С., 2017

© Автор, 2017

Содержание

Глава первая	5
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Станислав Рем

Свет венца

*Люба мне буква «Ка»,
Вокруг неё сияет бисер.
Пусть вечно светит свет венца
Бойцам Каплан и Каннегисер.
(«Буква Ка», Константин Бальмонт)*

Глава первая

(за четыре дня до постановления «О красном терроре») 1 сентября

Григорий Евсеевич Зиновьев барски вялым движением руки поманил к себе Бокия.

Глеб Иванович, неохотно вырвался из толпы покидающих кладбище людей, неспешно подошёл к тархтящему на всю улицу авто Председателя Петроградского Совнаркома. Скрестил руки на груди, как бы встав в защиту. Григорий Евсеевич, окинув скольльзящим взглядом независимую позу чекиста, хмыкнул.

– Вот что, Глеб Иванович, давай-ка с сегодняшнего дня и впредь обходиться без амикошонства, потому, как пользы от того ни тебе, ни мне нет. Одно дело делаем. С разных боков, но одно. Бабы промеж нас нет. Личных мотивов тоже. А посему получается, делить нам нечего. Я на твою вотчину не покушаюсь. Ты на мою тоже.

– Не понимаю, к чему ведёшь, Григорий Евсеевич.

– Брось! – Отмахнулся Зиновьев. – Всё ты прекрасно понимаешь. Да, признаюсь, с Варварой мне легче иметь дело, нежели с тобой. Но коли уж Феликс тебя поставил во главе ЧК, придётся контактировать. Спросишь, рад ли я тому? Честно признаюсь: нет. Однако, иного выхода, как сотрудничать, не наблюдаю. Можем, конечно, привселюдно, грызться, как кошка с собакой. Глотки рвать. Только кому от того польза будет? Тебе? Мне? Революции? То-то!

– Говори прямо, что нужно?

Мимо, обтекая авто Зиновьева, растекалась людская волна: похороны Урицкого закончились, люди торопились по своим делам.

– Поддержка. – Чётко произнёс Председатель обороны Петрограда, Председатель Совнаркома Петроградской трудовой коммуны и Союза коммун Северной области, а также член Реввоенсовета 7-й армии (набрался Григорий Евсеевич должностей, будто собака блох), с высокомерием во взгляде и призрением в душе, всматриваясь в лица питерцев. – По-крайней мере, в главном. – Григорий Евсеевич развернулся всем телом к чекисту. – Будем откровенны: и ты и я, оба понимаем, Моисей занимал не своё место. Ну, какой из Соломоновича был руководитель ЧК, карающего органа революции, если его постоянно, чуть ли не за шкуру, приходилось заставлять подписывать постановления?

– Имеешь в виду дело Михайловского училища? – Произвёл «пробный выстрел» Глеб Иванович, однако тот оказался холостым. По крайней мере, Зиновьев сделал вид, будто не услышал в вопросе Бокия дополнительного смысла.

– И не только. Моисей спёкся. Я это ещё в июле заметил. Из него будто весь дух вышел. Хорошо, ты и Варвара оказались под рукой.

Точнее, мысленно усмехнулся чекист, хорошо, что под тобой оказалась Варвара.

– Успели урегулировать ситуацию. – Закончил мысль Григорий Евсеевич. – А если б не успели? Представляешь, что бы сейчас творилось на улицах Петрограда и губернии, в связи с покушением на Ильича, не очисти мы город от той мрази? Молчишь? Правильно молчишь. Теперь о главном. Судя по всему, Совнарком примет решение о красном терроре по всей стране. По крайней мере, я на то надеюсь, даже отослал в Кремль своё мнение по данному вопросу. Но когда, то произойдёт, неизвестно. Пока только слухи бродят, а слухи, как известно, к делу не пришьёшь. Потому, имеется предложение. Считаю, Петроград, как город революции, должен стать авангардом в данном деле. И первым начать работу по очищению улиц от контр-революционного элемента.

– Хочешь перед Советом поставить вопрос о введении террора в Питере, не дожидаясь постановления СНК?

– Именно! И надеюсь на твою поддержку. Что-то смущает? – Вскинулся Председатель всего и вся. Его колкий, цепкий, пронзительный взгляд вцепился в душу чекиста. Глеб Иванович сделал попытку отвернуться, однако, не смог: зрачки Зиновьева, казалось, загипнотизировали его.

И Бокию стало страшно. Противно и страшно.

Он вдруг вспомнил допрос Риксом князя Меликова. От недавно увиденного холодный пот снова прошиб чекиста. Не умом, сердцем, внутренностями, телом почувствовал: откажет сейчас в помощи Зиновьеву, завтра привинченный к полу табурет в допросной камере будет греть его зад.

От последней мысли и стало противно.

Господи, болью ударило по вискам, до чего дожили? Сами себя, своих начали бояться. В четырнадцатом, помнится, спорил с Леляевым, меньшевиком, о том, что, мол, мы умные, начитанные, ни за что не повторим опыта Французской революции. Мол, гильотина не наш метод, усвоили исторический опыт... А на деле? Хрен два, что мы усвоили. Всё забыли. По новому, своему, кругу пошли.

– Так что тебя смущает? – Донеслось до сознания чекиста.

– Нет, ничего. – Нашёл в себе силы ответить Глеб Иванович. – Только думаю, не стоит бежать впереди телеги.

– А мы и не станем бежать. – Осклабился Зиновьев. – Сядем на козлы, Глеб Иванович, потому, как будем первыми. И пусть Москва тянется за нами, а не мы за ней.

Григорий Евсеевич расхохотался, в голос, чем привлёк к себе внимание покидающих кладбище горожан, запрыгнул в авто, приказал ехать в Смольный.

Председатель ПетроЧК проводил машину долгим, хмурым взглядом, достал из кармана пачку папирос, закурил.

Так вот о чём ты мечтаешь, Григорий Евсеевич... – Бокий ещё раз глянул в сторону удаляющегося авто. – На козлы желаешь влезть? Что ж, давай, попробуй. Дерзни. Смотри, только, как бы пупок не надорвался.

* * *

Немилосердно тарахтящее авто, принадлежащее ПетроЧК, сотрясаясь, притормозило близ арки, которая, напоминая распахнутый зев некоего неведомого огромного зверя, чернела в стене пятиэтажного дома с мансардой.

– Тут. – Кучер уверенно кивнул головой на сквозной арочный проход, ведущий внутрь двора. – Сюды я барина подвозил.

– Набережная Фонтанки 54. – Констатировал Аристарх Викентьевич, кинув взгляд по улице. – Дом генеральши Толстой. – Следователь всем телом развернулся к Матвею. – А в какую квартиру ходил барин, конечно, не знаешь?

– Откуда? – Удивился мужик. – Мы ж вот прямо тут, где сейчас стоим, останавливались. Барин в двери или в проход шмыг – и был таков. А я, с кобылой, до дому.

Несмотря на то, что Озеровский общался с кучером, он, боковым зрением, отметил, с каким напряжением смотрел на дом Мичурин. Не рассматривал рассеянно, из любопытства, а именно уставился на него пристальным, цепким взглядом. Причём, как опять же отметил Аристарх Викентьевич, взгляд Саши был устремлен, только в одну точку, на уровне третьего этажа.

Любопытно, – сделал мысленную зарубку следователь. И снова вернулся к допросу кучера:

– Сколько раз привозил сюда барчука?

– Много. – Пожал тот плечами. – Не помню. Часто. Чаше, чем на Васильевский.

Тело следователя вернулось в прежнее положение.

– Жаль, фото с собой нет. – Тихо, еле слышно, произнёс сыщик. – Придётся вторично наведаться. – И тут же резко развернулся в сторону юноши. – Что скажете, Саша?

– А? Что? – Юноша растерянно – часто заморгал пышными, густыми, на зависть девчонкам, ресницами.

Озеровский удовлетворённо хмыкнул.

– Говорю, возвращаться придётся.

– Для чего?

– О чём вы думаете, молодой человек?

– Как бы успеть на Марсово поле. – Для самого себя неожиданно соврал Александр, потому, как в данную минуту он совсем не думал о похоронах товарища Урицкого.

– Вот оно как... – Аристарх Викентьевич сделал вид, будто не заметил, как запунцовело лицо юноши. – Но нам туда путь не лежит. Если хотите, можете отправиться на похороны самостоятельно. Только чтобы оттуда сразу на Гороховую.

Мичурин легко выпрыгнул из авто, будто только того и ждал.

– Экий, прыткий. – Матюкнулся кучер Матвей и с силой принялся свободной рукой ёрзать штанину, о которую тернулся каблук ботинка чекиста.

– Молодость. – Веско заметил в ответ Озеровский, кивнув головой водителю: трогай.

Аристарх Викентьевич находился в полной неприятности, потому, как был уверен, что Саша, по непонятной причине, соврал, как, впрочем, был уверен и в том, что сия причина вскоре вскроется.

* * *

Дзержинский, в ожидании авто с Петерсом, решил немного прогуляться в одиночестве по Александровскому саду, собраться с мыслями.

Подумать было о чём...

...Ранним утром, Председатель ВЧК скорым, упругим, стремительным шагом вошёл в Спасские ворота Кремля. Предъявив часовому мандат, поинтересовался:

– Председатель ВЦИК у себя?

Солдат утвердительно качнул головой. И только. Никакого подобострастия во взгляде и поведении.

Молодцы, – мысленно похвалил охрану чекист, – хорошая муштровка. Ишь, как обшарил взглядом, с головы до ног. И не посмотрел на то, кто я.

Устремился к зданию Совнаркома.

О том, как поведёт разговор со Свердловым, Феликс Эдмундович решил ещё в пути, едуци в «моторе». Поначалу, как только Председатель ВЧК ознакомился с донесением Петерса, он, было, решил прижать, придавить, загнать в угол Якова. Однако, чем ближе автомобиль

приближался к Кремлю, тем меньше оставалось уверенности в первоначально принятом решении. А как только авто затряслось на брусчатке Красной площади, от данной мысли вообще не осталось и следа.

Фактически, – рассуждал Феликс Эдмундович, – что мы имеем против Якова? Ничего. Ноль. А то, о чём составил докладную Петерс, есть исключительно предположения, домыслы, и не более того.

Свердлов¹ отправил телеграмму до появления Ленина в Кремле, не убедившись в его состоянии здоровья? Не аргумент: в ответ Яков признается, мол, поторопился. Всему виной эмоции. Ему зателефонировали с завода Михельсона, тот звонок вывел его из себя, потому и отправил гулять текст по губерниям, не проверив лично факт покушения. Но в целом-то написал верно. И звонили люди проверенные. И при проверке всё подтвердится, в том Феликс Эдмундович не сомневался.

Не найдено оружие? Ответ Свердлова: так-то ваша, чекистов, вина – ищите лучше. То же самое и по свидетелям.

Единственно, на чём может споткнуться Яков Михайлович, на приказе забрать с Лубянки в Кремль Каплан. Но и данное распоряжение, ни в коем случае, не говорит против него. Забирал то не лично, а посредством наркома Петровского. А Петровский, в свою очередь, скажет: какая, мол, разница, где следователи будут допрашивать преступника? Перестраховался, на всякий случай, испугался за жизнь арестованной. И не надавишь: круговая порука. И ни черта не докажешь, что Курский с Петровским, наркомы юстиции и внутренних дел, действовали по указке Свердлова. К тому же следует учитывать тот факт, что ВЧК им подчинена. А подчинённым как-то неприято требовать ответ с руководства, тем более, с коллег Ленина, с членов Совета народных комиссаров. Эдак, ежели каждый подчинённый начнёт требовать с начальства объяснений его поведения, тут такой бардак начнётся...

Нет, ни один аргумент не работает против Якова.

А сие означает, – сказал сам себе Феликс Эдмундович, – что таким ходом беседы я только напугаю Свердлова, а перепуганный Яков – страшный человек.

Люди по-разному реагируют на испуг. Кто временно лишается сил, кто-то ударяется в панику. Иные пытаются с помощью логики найти выход из создавшейся ситуации. Третьи удаляются в бегство.

Свердлов, в подобной ситуации, всегда поступал алогично: он сам, уподобляясь кобре, моментально, набрасывался на источник опасности, чем приводил в шок сторону обвинения. Феликс Эдмундович неоднократно наблюдал Якова в подобных ситуациях. В такие моменты обычно широко раскрытые, подслеповатые глаза Свердлова вмиг превращались в щёлочки, высверкивая из-под линз круглых очков. Небольшие, узкие, почти женские, но очень крепкие ладони рук сжимались в кулачки. Густые, волнистые волосы на голове едва не вставали дыбом. А сам он, в секунду, превращался в тугую, сжатую пружину, готовую вот-вот вырваться на волю. Мозг Якова Михайловича, в такие минуты, начинал работать как машина, разве только пар не пускал. Ответы и вопросы из уст Председателя ВЦИК превращались в выстрелы, точные и убойные. Аргументация – бесподобна. Не случайно Ильич, сразу после революции, предложил Якова в секретари Председателя ВЦИК: ему был необходим именно такой бескомпромиссный и умный союзник. Тогда, в семнадцатом, Старик думал, что, таким неожиданным назначением, он выиграл кадровый вопрос. Собственно, так оно и было. Однако, с того часа прошло достаточно много времени, и многое теперь оценивается иначе.

Свердлов действительно оказался не только хорошим секретарём и организатором, но и отличным кадровиком. Помнится, как-то Григорий Зиновьев (тут же пришло в голову: что

¹ Яков Михайлович Свердлов – российский политический и государственный деятель, революционер, большевик. Член ЦК РСДРП(б), РКП(б). Секретарь, позднее Председатель ВЦИК (формальный глава РСФСР) с ноября 1917 года.

там сейчас в Питере? Справится ли Бокий с поставленной задачей?) сказал: мол, у Ленина, на момент октябрьских событий, имелся в голове политический чертёж продолжения революции. Однако, Старик не знал, кто будет выполнять задуманное? А вот Яшка (Зиновьев так и сказал: Яшка) прибыл из ссылки со всесторонне продуманным планом по всем отраслям государственного управления, с полным кадровым обеспечением, чем и понравился Ильичу. В том переломном, семнадцатом они, Ленин и Свердлов, как бы дополнили друг друга. Ленинская теория построения нового государства получила воплощение в практических разработках Свердлова. Но, то было год назад. Теперь всё обстояло иначе. Теперь союзников нет. Сегодня все враги. Год назад, вспомнил Феликс Эдмундович, мы были вынуждены держаться вместе: новая власть только становилась на ноги, давление со стороны врага нарастало, опять же, полная мировая изоляция, разрушенная экономика: всё это заставило забыть личные амбиции, и объединиться даже с теми, кто был не по нутру. Теперь же, хоть и не всё, но, тем не менее, иначе. Народ новую власть принял и поддержал. Создана армия и репрессивный аппарат ВЧК. Постепенно в больших городах восстанавливаются заводы и фабрики. С селом проблемы, но тут следует решать увесисто, исходя из декрета о земле. Опять же, понемногу, пока негласно, но, тем не менее, начинаются закулисные переговоры с Западом, а это путь к международному признанию большевистской России. И вот результат: покушение на Старика.

Хотя...

Дзержинский, от прихода новой мысли, даже замедлил движение.

А почему он не может поступить «по-свердловски», алогично? Наверняка, Яков ждёт от него наступления, агрессии, мало того, готов к его аресту. Нет, конечно, прямо сейчас он не прикажет кремлёвскому караулу арестовать Дзержинского, струсит. Яшка невысокого полёта птица, падальщик, он станет действовать иначе, в своей излюбленной манере. Сначала устроит бойню в Совнарком, после, как следствие, Совет народных комиссаров объявит недоверие и повторное внутреннее расследование. Дзержинского снова, только на сей раз не по собственному желанию, временно отстранят от занимаемой должности. Мало того, к новому делу по Старика приплюсуют и июльское расследование, по эсеровскому мятежу. А то прямой путь в тюрьму. Так рассуждает Яков.

А что если он, Дзержинский, поступит иначе? Что если он не станет наступать, как того ждёт Свердлов, а наоборот, подставится под Якова?

Если бы Ленин умер, его, Дзержинского арестовали бы ещё на вокзале. Хотя нет, усмехнулся чекист, Свердлов пока не знает о моём приезде, уверен, что я прибуду завтра. Но вернёмся к прежней мысли. Старик остался жив, это сбило планы Якова Михайловича. Теперь Свердлов настороже. Ему труднее, у него двойственное положение. С одной стороны, в руках вся полнота власти. С другой – выживший Ленин, а значит, данное состояние нестабильно, временно. Рано или поздно престол придётся вернуть (если, конечно, не умрёт Старик). Как вывод: Якову в край необходимо замести следы своей активной деятельности, дабы остаться в должности Председателя ВЦИК. Иначе говоря, вернуться к исходной точке. Свердлов не дурак, прекрасно понимает: за ним внимательно наблюдают. Ждёт удара, приготовился к драке, голыми руками не взять, уверен, что первый удар нанесу я. Больше никому. А значит, приготовился к отражению атаки. Конечно, захват британского консульства несколько собьёт планы Свердлова, но не в главном. Яшка станет отчаянно сопротивляться, наносить смертельные укусы (обоснованно, припомнит, что именно Дзержинский уменьшил охрану Ильича), привяжет к делу личное знакомство Феликса с Каплан, а оттуда и до июльских событий недалеко. Снова всплывёт эсеровский мятеж, начнут заново копаться в том деле. И рекой польётся грязь, что на руку только одному человеку в партии и правительстве: Троцкому. А если учесть, что «Лев революции» до сих пор поддерживал Свердлова и Зиновьева и всегда занимал противоположную Ленину позицию... Это крах! Крах всему делу революции. Ничего подобного, ни в коем случае, нельзя допустить!

Отсюда вывод: Якова нужно успокоить. И не просто успокоить: следует убедить в том, будто он, Дзержинский уверен, что за преступлениями в Москве и в Питере стоит некая абстрактная, контрреволюционная организация, поддерживаемая западной буржуазией. Документы, полученные в результате захвата британского консульства в Москве и арест Локкарта, главного и основного свидетеля, станут тому доказательством. Поверит Яков? Конечно, нет: он не дурак. Но успокоится, факт, что станет началом его конца. Мы, в отличие от взрывного Председателя ВЦИК, торопиться не станем, чем и собьём тактику, к которой привык «товарищ Андрей». Первое – Яков должен успокоиться, решить, будто буря пронеслась над головой, не задев его. Потом, постепенно, следует оторвать Якова от Троцкого, вбить клин промеж них. После нужно настроить против Якова Старика, что будет нетрудно: достаточно показать материалы дела по покушению. А уже после, так же медленно, почти незаметно, будем изолировать всех людей Свердлова из аппаратов власти. Не расстреливать, не арестовывать, а именно изолировать: перевести на другие должности, отправить на фронт, в село, на выполнение производств. И вот когда Яков Михайлович останется в полном одиночестве...

Нет, тут же сам себе апеллировал Феликс Эдмундович. Яков на сказку о британском посольстве не купится. Точнее, не так. Поверить то поверит, только его это не успокоит. И потом, ну и что, что я обвиню во всём посольство? Ему от того ни холодно, ни жарко. Он только что проиграл партию со Стариком, теперь перед ним стоит двойная задача: отмыть себя в глазах Ленина и наверстать упущенное. Вдобавок, ему в край как нужно срочно найти козла отпущения, того, кто станет повинен в том, что покушение Ленина состоялось. И Яков Михайлович сделает всё для того, чтобы выставить ЧК и его руководителя в самом невыгодном свете. Конечно, документы из посольства и признания противника оправдают Дзержинского, но, пятно-то останется. А с таким пятном после победить Свердлова станет крайне трудно. Нет, Якова Михайловича придётся не просто успокоить, этого мало. Из него нужно сделать временного союзника. А сие можно только одним путём. Глеб прав! – Дзержинскому вспомнился прощальный разговор с Бокием на перроне петроградского вокзала. – Свердлов через чур активно поддерживает Троцкого в вопросе о красном терроре.

Дзержинскому припомнилось выступление Якова на V Всероссийском съезде Советов, который состоялся всего два месяца тому, 5 июля, и на котором Яков Михайлович выступил с отчётом о деятельности ВЦИК. Именно в тот день Свердлов, в своём докладе, открыто призвал к массовому террору против контрреволюции и врагов советской власти и выразил уверенность в том, что «вся трудовая Россия отнесется с полным одобрением к такой мере, как расстрел контрреволюционных генералов и других врагов трудящихся». Но главное не в этом. Главное в том, что съезд одобрил ту доктрину! Одобрил террор! За два месяца до покушения на Ленина!

Феликс Эдмундович поднёс ладони к вискам, сдавил их.

Массы готовы к террору. Вопрос в одном: кто его возглавит? Исходя из логики происходящего, этим должно заняться ВЧК. Но в том то и дело, что логика в последнее время перестала быть доминантой в решениях и действиях не только руководителя ВЦИК, но и некоторых членов СНК. Особенно тех, кто близок к Свердлову и Троцкому. Вот от этого мы и оттолкнёмся. Яков, через страх и угрозы, используя Льва, укрепляет свои позиции. А мы, неожиданно, возьмём да и примем его сторону. Представляю выражение лица Якова, когда тот услышит мои слова. Но, для начала следует мягко подстелиться, так мягко, чтобы он не догадался главной цели нашего временного союза.

По коже чекиста даже мороз прошёл от предчувствия скорого будущего.

Феликс Эдмундович вцепился в поручень, замер, после чего решительно продолжил движение вверх по парадной лестнице здания бывшего Сената, а теперь Совнаркома, на третий этаж, в кабинет Ильича, занятый Яковым Михайловичем Свердловым.

Временно занятый, – тут же поправил сам себя Председатель ВЧК...

* * *

Глеб Иванович ещё раз глянул на чёрно – белое фото, кинул его на стол.

– Итак, они узнали Канегиссера?

Доронин утвердительно качнул головой.

– Хозяйка дома признала. Прислуга тоже. Сколько раз приезжал, не помнят. Однако, когда приезжал, всегда оставался допоздна, а, то и ночевать. Играл с Соломоновичем в шахматы, разговаривали громко, иногда спорили. И... Тут ещё такое дело...

– Что? – Бокий сжался, в предчувствии беды. – Говори?

– По лету Канегиссер как-то приехал к Соломоновичу не один. С другом. Так вот, тот друг, после, стал бывать у товарища Урицкого значительно чаще нашего студента. Мало того... – Чекист попытался подобрать правильную формулировку. – Оставался ночевать. Часто. В одной спальне... с Соломоновичем. Однако, с середины августа ни хозяйка, ни прислуга того молодого человека больше не видели.

– Перельцвейг? – Моментально отреагировал Бокий.

– Думаю, он. – Матрос отвернулся к окну.

– Выходит, не соврал Канегиссер? Действительно – месть из личных мотивов?

– Бл...во это, а не месть. – В голосе матроса прорвалась злость. – Никогда не думал, что ... А-а-а-а..

Рука чекиста тяжело поднялась и сокрушённо рухнула вниз. Обессилено обвисла.

Глеб Иванович уместился на краю стола, царапнул взглядом широкую, сильную, обтянутую гимнастёркой спину Доронина. Рука, сама собой, потянулась за папиросами.

И что сказать? Мол, все люди равны, и товарищ Урицкий имел полное право на личную жизнь? Поймёт ли? Нет, не поймёт. За подчинённым стоит вбитая в сознание простого народа на протяжении многих столетий христианская мораль, которая, подобного рода вещи пресекала на корню. И поменять сознание таких, как Доронин, не получится ни за год, ни за десять лет. Это он, идейный атеист Бокий, может спокойно относиться к богемным утехам, сам, по молодости, чуть было, не прошёл сквозь них. А Демьяну, с его впитанной с молоком матери, крестьянской моралью, вот как ему всё это объяснить?

Чекист с силой втянул в лёгкие дымок папиросы.

А, может, и не нужно объяснять? Пусть Урицкие объясняют. С Зиновьевыми. Правильно сказал Демьян: развели бардак с бл...ом, а мы расхлёбывай. Если бы Соломонович не втюрился в Перельцвейга, остался б жив. Да, как тут не вспомнить про то, что любовь зла...

С другой стороны, скоро можно будет доложить Дзержинскому о том, что расследование закончено. Не так, как думали первоначально, но, тем не менее.

Послышался лёгкий, неуверенный стук в дверь.

– Сатрап. – Обречённо выдохнул Доронин. И тут же незлобно вспыхнул. – Вот, Глеб Иванович, что за человек, а? Сколько раз говаривалось: входите без стука, это ваш кабинет! Нет, кожен Божий день одно и то же. Тук-тук... Тук-тук... Б... – Не сдержался, опять-таки, выматерился в присутствии начальства матрос. И крикнул. – Входите, Аристарх Викентьевич!

Бокий спрятал улыбку, сделал вид, будто не заметил матюка.

Дверь слегка приоткрылась. Действительно, в образовавшуюся щель просунулся следователь Озеровский.

– Добрый день, Глеб Иванович. А я заходил к вам, не застал.

– Здравствуйте, Аристарх Викентьевич! – Чекист протянул руку, сжал мягкую ладонь старика. – Чем порадуете?

– Про дом на Васильевском вам уже доложили?

– Да. Что со вторым адресом?

– Второй дом принадлежит госпоже Толстой. Простите, принадлежал. Набережная Фонтанки 54. Кучер сказал, по данному адресу он привозил Леонида Канегиссера значительно чаще, нежели на Васильевский, особенно в последнее время.

– Точнее?

– Последние две недели.

Бокий с Дорониным быстро переглянулись. Впрочем, Озеровский того не заметил: в тот момент он рассматривал среднюю пуговицу на своём сюртуке. Та висела на одной нитке, и перед следователем стояла дилемма – оторвать её и выглядеть небрежным, однако, при этом, сохранить пуговицу, или оставить висеть, и, скорее всего, потерять. Старик выбрал первый вариант.

– Ваши предложения? – Поинтересовался Бокий.

– Предъявить фото Канегиссера дворнику.

– Логично.

Глеб Иванович взял со стола папку с делом по убийству Урицкого, вынул из неё картонку с фото, протянул следователю.

– Как там наш москвич, справляется?

– Втягивается, потихоньку.

– Аристарх Викентьевич, – Бокий огляделся, нашёл глазами чистый лист бумаги, взял со стола Доронина карандаш, принялся что-то писать, – получите усиленный паёк. Как-никак, у вас теперь столуется наш новый сотрудник, а у вас самого семья немаленькая. Завезите продукты домой, после поезжайте на Фонтанку. За полтора часа управитесь? Вот и славно!

Когда Озеровский покинул кабинет, Доронин вскинулся:

– Слышали, Глеб Иванович? И тут две недели. Там перестал ездить, а тут – наоборот.

– Слышал. И тоже отметил данный факт. Только вряд ли он нам что-то даст. – Бокий, по привычке, вернулся на край стола. – Давай отсторонимся от личного взгляда на интимные подробности, и постараемся думать холодно, практично. Слышишь, Доронин: холодно и практично! Что мы имеем? Судя по всему, Леонид Канегиссер, скажем так, якшался с нашим Соломоновичем. Но, в один прекрасный момент, летом, имел неосторожность познакомиться Урицкого со своим другом, Перельцвейгом. Моисей Соломонович, скорее всего, положил глаз на нового знакомого, в результате чего вышла классическая ситуация: любовный треугольник. Отслеживаешь нить?

Матрос потрянул чёрным чубом:

– У меня такое было. Ясное дело, с бабами. И что?

– Соломонович начал встречаться с Перельцвейгом. За данную версию говорит тот факт, что он, изо всех сил, не желал подписывать расстрельный приговор, в котором фигурировала фамилия Перельцвейга. Сопrotивлялся до тех пор, пока на него не надавили Зиновьев с Яковлевой. Канегиссер же, ещё до дела Михайловского училища, чувствуя себя отвергнутым, решил найти нового друга. Судя по всему, удачно, хотя чувства к Перельцвейгу сохранились, не остыли. Потому то и перестал ездить на Васильевский, зато, зачастил на Фонтанку. И тут студент узнаёт о смерти близкого друга. Мало того, узнаёт и о том, что расстрельный приказ подписал не кто-нибудь, а именно тот самый человек, который увёл у него Перельцвейга. Чем не повод для мести? Согласен?

– Не совсем.

Бокий глянул на матроса по-новому: растёт чекист, раз начал спорить с начальством.

– С чем конкретно не согласен?

– С тем, что Канегиссер начал искать замену. По себе помню: когда меня милка бросила, так хотел ей отомстить... Жуть! Почти полгода понадобилось на то, чтобы... Сами понимаете. Нет, конечно, найти гулящую бабёнку не проблема, но когда тебя бросают, ты ведь хочешь не просто с кем-то.... то самое... А так, чтоб заменить ту, которая.... Ну, вы поняли. А тут

дело иное. Я так понимаю, таких, как Канегиссер, в городе мало. Это ж не баба – на каждом шагу не встретишь. Или на каждом? – Матрос с таким испугом посмотрел на Бокия, что тот расхохотался от души.

– Мало, Доронин. Успокойся.

– Слава те господи... Опять же, сколько их разбежалось опосля революции? Нет, – уверенно мотнул головой чекист, – чтоб заменить, время надобно. А наш студент, получается, взял и нашёл? Вот так сразу? Как хотите, не верится мне в такое. А отсюда такая мысль пришла в голову: не он нашёл, а нашли его. Кто-то следил за ним и выбрал, так сказать, нужное время. И ещё, что я думаю: раз нашлась замена, зачем мстить, а? Прав наш сатрап. Кто-то настроил мальчишку на убийство. И очень может быть, этим человеком стал новый... Этот самый... Ну, вы поняли.

– Не изворачивайся, Демьян Фёдорович. Говори, как думаешь. А то от твоих увёртываний только хуже выходит.

– Да уж куда хуже... – Матрос почесал затылок. – Дом на Фонтанке 54. Глеб Иванович, хошь верь, хошь нет, а такое ощущение, будто мне знаком этот адресок.

– Известный дом. – Вяло отозвался Бокий. Он сейчас размышлял над словами матроса и всё больше и больше приходил к выводу: тот прав. – Его построил родственник Льва Николаевича Толстого. Слышал про такого?

– Про Толстого? Слышал. А как жжешь... Не лаптями щи хлебали. Только адресочек точно не по тому знаком. А вот откуда, не помню.

– На Фонтанке бывал?

– Хаживали.

– Вот оттуда и помнишь. Может, женщину там увидел. – Глеб Иванович сделал руками обрис в воздухе девичьего стана. – Красивую. Незнакомку.

– Не... – Неуверенно протянул Демьян Фёдорович. – Не то. Чую – не то.

* * *

Мичурин действительно сказал Озеровскому неправду. Он не пошёл на похороны. Он и не собирался туда идти. Со вчерашнего дня, с той минуты, как поезд Дзержинского прибыл в Петроград, юноша думал об одном: как войдёт в родной дом, как встретится с ненавистным ему домоправителем, Сергеем Аркадьевичем Лопатиным. Дядей Серёжей. Да, когда-то он его так называл. Заглянет тому в глаза. Потом обязательно плюнет в них. Дядя Серёжа будет стоять, склонив голову, и рыдать, потому, как теперь он, Александр Белый, представляет в городе власть.

Дядя Серёжа. А, может, он так его никогда не называл? Просто, кажется, что называл? Саша теперь часто ловил себя на мысли, будто та, прошлая жизнь, особенно лето минувшего года, была не его жизнью. Точнее, его, только не на самом деле, а, как бы, во сне. В далёком, страшном сне, после которого просыпаешься в холодном поту, с одной мыслью: когда же, чёрт побери, этот сон перестанет сниться?

Там, в Москве, справиться с тяжёлыми воспоминаниями было проще. Москва ничем и никак не связывала семью Белых. Да, раза два они, с отцом, приезжали в «первопрестольную», на несколько дней, но в душе юноши те визиты особого следа не оставили. Петроград же всем своим каменным существом напоминал о маме, отце, прошлом. Напоминал давяще, с болью.

Всю минувшую ночь юноша проворочался на диване Озеровского, скрипя пружинами, но так и не смог сомкнуть глаз. Не давали возможности уснуть, как видения прошлого, так и мечты о том, как будет мстить.

И вот теперь он стоит перед аркой, собираясь с духом, но, так и не решаясь подойти к падающему входу.

Нет, конечно, он не один раз думал о том, как придёт сюда, и, наверное, десятки, если не сотни раз, представлял в своих фантазиях, как подойдёт к дому, в окружении группы чекистов, протянет руку, возьмётся за медную ручку, потянет тяжёлую дверь на себя, пройдёт внутрь. В подъезде, с его приходом, начнётся суeta, крики, хлопанья дверьми. Чекисты тут же примутся за проверку документов, а он, Сашка, поднимется на второй этаж, кулаком грохнет в створку тяжёлой, дубовой двери квартиры Лопатиных. Ту, конечно, как обычно, откроет жена дяди Серёжи, Софья Андреевна. Нет, не откроет, только чуть – чуть распахнёт, не полностью, испуганно выглянет в образовавшуюся щель. И тут он с силой, ухватится за ручку, рванёт на себя, оттолкнув хозяйку в сторону, пройдёт внутрь, переворачивая по пути стулья, стол, найдёт Лопатина, посмотрит в его глаза, пристально, свирепо, после чего бросит в лицо дяде Серёже: Приготовьте документы, гражданин Лопатин! И вот когда тот их предъявит, именно в тот момент плюнет ему в лицо, в глаза. Да-да, именно в глаза...

Однако, на деле всё вышло совсем не так, как мечтал. Никаких чекистов, никаких криков, хлопанья дверьми. Только он, один, и испуганное каменное строение.

Рука сама собой потянулась к худой, покрытой мурашками шее: в горле образовался ком, не проглотить.

Взгляд непроизвольно устремился к родным окнам, которые, почему-то, были зашторены не тёмными, бархатными, тяжёлыми занавесями, как при маме, а какой-то пятнистой тряпкой, издали напоминавшей старый, застиранный пододеяльник.

Взгляд медленно опустился на уровень второго этажа, где раньше проживал генерал Ермилин. С ним папа часто проводил вечера, за коньяком и шахматами. И спорами о будущем Европы. Иногда, в такие вечера, Саша приходил к отцу, занимал стоящее в углу кабинета кожаное кресло и, мало что, понимая, слушал неторопливый мужской разговор. Мама пыталась забрать его, но папа и генерал тут, же вставали на защиту мальчишки. Говорили: мол, пусть выпитывает. И он выпитывал. Непонятные названия, фамилии, события, которые потом, после, сами собой разместились по полочкам сознания. Ермилина больше нет. Погиб в январе семнадцатого года. За три месяца до ареста папы...

С противоположной стороны набережной послышался резкий, звонкий гудок клаксона. Саша вздрогнул, оглянулся по сторонам, после чего оправил на себе гимнастерку, так, чтобы «юбка» плотно облегла тело, прошёл к двери, протянул руку, ухватился за медную, до боли знакомую ручку. Раньше там, за этой дверью, стоял швейцар. Грозный, уса́тый, в ливрее. В детстве Саша его очень боялся. Конечно, сейчас его там нет. А всё одно рука боится потянуть за ручку: вдруг оттуда, изнутри подъезда опять покажется усатая, красная физиономия?

На лбу выступил пот. Ещё минута – и месть найдёт себе выход. Ещё минута и он войдёт в подъезд, поднимется по лестнице на второй этаж, постучит кулаком в дверь. Постучит с силой, как положено представителю власти. Как только дядя Серёжа откроет, он его тут же схватит за грудки, левой рукой, обязательно левой, потому, как правая будет сжимать револьвер. Саша явственно представил испуганный, затравленный взгляд домоуправителя. Дрожь тела. Слюни, стекающие с уголков рта. Почему именно слюни, а не слёзы, спроси кто, юноша бы пояснить не смог. Но вот так он явственно это видел: трясущегося от страха, жирного старика, у которого по подбородку стекают слюни от ужаса происходящего. И умоляющий взгляд. И вот когда он, Саша, убедится, что дядя Серёжа готов вот-вот упасть в обморок, обязательно произнесёт, холодно, сквозь зубы: узнал? Обязательно скажет только одно слово. Чтобы тому стало ещё страшнее. А после потянет Лопатина вверх по лестнице, на третий этаж, где когда-то, давным-давно, проживала их семья. И уже там, наверху, в их квартире (почему-то Саша был уверен, что их квартира до сих пор пустует: а как иначе?), в зале, прикажет дяде Серёже встать на колени и молиться. И пока тот будет несвязанно бормотать слова молитвы, он, чекист Мичурин, поднимет револьвер к голове старика и...

Дальше Саша ничего представить не мог. Хотел ли он отомстить Лопатину? Да, хотел. Но хотел ли он его убить? На данный вопрос юноша ответить так и не смог. Санька попытался представить, как нажмёт на курок, однако, из этого ничего и не получилось. Сознание отказывалось показать такую картинку. Почему-то, вспомнилась жена Лопатина, тётя Софа, которая, со слезами на глазах, помогала им с мамой собирать вещи, а после проводила до вокзала, перед самым отходом поезда, сунула в руки Саше носовой платок, с завёрнутыми в него деньгами, которые после спасли ему жизнь. Вспомнилась дочка дяди Серёжи, Нинка. Заводная, вредная Нинка, с которой было всегда интересно и на чердак залезть, и на Неву сбегать, покупаться, и из самодельного лука пострелять. Лук, кстати, сделал дядя Серёжа.

Мичурин почувствовал, как в горле снова образовался ком, который невозможно было ни проглотить, ни вытолкнуть. Слезы навернулись на глаза. Первые слёзы за прошедший год. Рука, сама собой, отпустила ручку двери, безжизненно упала вдоль тела. Саша, неожиданно для самого себя, понял: ничего, из того, о чём он мечтал целый год, не сбудется. Ни сегодня, ни завтра, никогда. Он не станет заходить в дом, не станет подниматься на второй этаж. И не будет хватать за грудки дядю Серёжу. Слезы вторично брызнули из глаз, и зачем он остался, не поехал с Озеровским на Гороховую?

Расстроенный юноша не услышал, как за дубовым полотном послышались шаги, после чего дверь, неожиданно, распахнулась, едва не ударив молодого человека.

Мичурин сделал шаг назад и хотел, было, развернуться, уйти, как вдруг полный удивления, чистый девичий голос остановил его:

– Саша? Ты?

Александр резко развернулся всем телом. Перед ним стояла худенькая девушка, в простом ситцевом платье, какие носит прислуга, с кошёлкой в руках. Поднял взгляд, полный недоумения. Скуластенькое, бледное личико. Острый носик. Чёрные круги под глазами. Нет, эту девушку он не знал.

Незнакомка догадалась.

– Саша, это я, Нина. Нина Лопатина.

Санька, впервые в жизни, почувствовал, как земля поплыла у него из-под ног.

* * *

Авто всё ещё не было. Впрочем, не удивительно: задержание сотрудников британской миссии проходило не только на территории консульства, но и на квартирах, а потому, все силы Московской ЧК, в том числе и весь транспорт, были задействованы в акции.

Мысли Дзержинского вернулись к Якову Михайловичу...

...Свердлов с недоумением уставился на вдруг, неожиданно появившегося в дверях Феликса Эдмундовича. Как? Откуда? Он ведь должен быть в Питере? Почему не доложили о прибытии? Об отъезде? – Именно эти мысли в тот миг пролетели в голове Председателя ВЦИК. А тело, непроизвольно оторвалось от стула Ильича.

Дзержинский отметил, как побледнело лицо «товарища Андрея», как тонкие, изящные руки бессмысленно – суетливо прошли по столешнице. Впрочем, нужно отдать должное Якову Михайловичу: моментально собрался, собрал волю в кулак, слегка улыбнувшись, как начальник подчинённому, вышел из-за стола, протянув руку, направился к Дзержинскому:

– Почему сразу не вернулся? – Тут же перешёл в наступление Председатель ВЦИК. – Телеграмму получил, знаю. И, тем не менее, решил ехать в Питер?

– На то имелись веские причины. Появились кое-какие материалы, которые тебе будут крайне интересны.

Феликс Эдмундович осмотрелся. Всё, исключительно всё оставалось на своих местах. Ничего не тронуту, будто Ленин вышел на минуту из кабинета, а Яков, с дозвола Ильича, на миг присел на его стул.

Именно любопытство не позволило Дзержинскому увидеть, как вздрогнул Яков Михайлович, услышав последнюю фразу председателя ВЧК. Впрочем, председатель ВЦИК тут же взял себя в руки.

Свердлов отодвинул от стола одно из кресел для гостей, упал в него. Чекист отметил данный факт: Яков Михайлович, тем самым, показал – они на равных. Пока на равных. Одновременно Дзержинский видел иное – Свердлов готов к нападению. Ждёт повода для атаки. Вон как глаза блестят...

Легенд о Якове Михайловиче ходило множество, и во многие Дзержинский не верил. Но, одна история получила подтверждение. Легенда гласила о том, будто «товарищ Андрей» имел большое, если не огромное влияние на мир уголовников. Что, мол, он решал некоторые проблемы их сообщества, и те, в ответ, признавали его за своего, и, даже, подчинялись ему. Долгое время Феликс Эдмундович в подобные, как он думал, бредни не верил. Однако, полгода назад, вынужден был пересмотреть свои взгляды в отношении Свердлова и бродивших вокруг его имени сплетен.

Зимой, московская ЧК задержала на месте преступления некоего Кольку Шквореня, вора со стажем, мужика пятидесяти восьми лет. Тот, при задержании, только шмыгнул носом: мол, как взяли, так и отпустите. Кольку посадили в карцер, ни с кем связь он не поддерживал. Однако, через три дня из Кремля поступил телефонный звонок, от самого Свердлова. Яков Михайлович, в мягкой форме, сообщил о том, что Колька Шкворень есть ни кто иной, как один из тех, кто помогал партии большевиков при царском режиме, деньгами и транспортировкой запрещённой печатной продукции по стране. Конечно, это несколько не оправдывает поступка Шквореня, говорил товарищ Свердлов, но, если есть возможность смягчить приговор, просит учесть бывшие заслуги Кольки. Проверили – всё совпало. Действительно, Шкворень помогал партии большевиков с 1908 года и аж до октября семнадцатого года. Пусть не всё время, эпизодически, но, тем не менее. И помощь сию стал оказывать не по личной инициативе, а... по приказу «высшего сообщества», с которым Яков Михайлович наладил дружеские отношения во время своей первой «отсидки», в 1906 году.

После того события Феликс Эдмундович по-новому взглянул на Якова Михайловича. Он, Дзержинский, также прошёл тюрьмы и каторгу. Однако, наладить такие тесные связи с урками, как то вышло у Якова, так и не получилось. Хотя, подобного рода мысли имели место. И были попытки, но все провальные: уголовники не приняли политического осуждённого, к тому, же выходца польской аристократии. А вот простой мужичок Яков, выросший в мещанской среде, смог легко войти в их мир. И тот принял его. Данное обстоятельство следовало учитывать.

– Так что в Питере?

Свердлов, глядя, сквозь пенсне, открытыми, честными глазами на чекиста, не мог понять, с чем тот пожаловал? Причём, пришёл ловко, вдруг, неожиданно. Хитрец, ах, хитрец... Хочет выиграть время, допросить, вызнать, что у Яшки на уме? – Яков Михайлович принялся протирать стёкла пенсне. – Кукишь тебе! Может, не тянуть время, вызвать охрану? Рано. – Сам себя остановил руководитель ВЦИК. – Кто знает, что в голове у немощного поляка? И ведь больной, и никак не сдохнет. Ладно, послушаем, что он тут станет молоть. В конце – концов, вызвать охрану одна секунда. Жаль, конечно, что Феликс переиграл по времени... Если бы ему, Свердлову, заранее сообщили о прибытии чекиста, сам бы прибыл к тому на Лубянку, в его кабинет, и учинил допрос: как вышло, что охрана Ильича, на момент покушения, оказалась сокращена? Почему Ленина не охраняли в людном месте? Кто разрабатывал стратегию охраны вождя? И так далее. В нашем деле ведь как? Кто первым нанёс удар, тот и прав. Ну да ладно, что уж тут...

– Так что в Питере?

– Сегодня похоронили Урицкого. – Председатель ВЧК присел на край кресла напротив временного хозяина кабинета. – Что Ильич? Как он?

Ага, так ты сразу с поезда и сюда, – догадался Яков Михайлович. И на Лубянке не был. Это меняет дело!

Голос Свердлова смягчился.

– Как говаривали в былые времена, слава Богу, пронесло. Конечно, на ноги встанет не скоро, однако, как утверждают врачи, кризис миновал.

Дзержинский сделал вид, будто в первый раз услышал данную новость, и с облегчением выдохнул.

Открываясь, Яков, – посылал мысленные приказы в сторону Свердлова чекист, – открывайся. Тебе ничего не грозит. Ты правильно отметил: я только что прибыл в Москву, ещё ничего не знаю о том, что тут творится. Сразу к тебе. А потому, бери инициативу в руки.

И Яков Михайлович купился на наигранную открытость Дзержинского.

– Жаль, конечно, Моисея. Но, после убийства Володарского, этого и следовало ожидать. Контрреволюция подняла голову. И не просто подняла, ощерилась. Вот, на Ильича совершили нападение.

– В том есть и моя вина. – С чувством выдохнул Феликс Эдмундович. – Пошёл на уступку Старику, повёлся на его просьбу, сократил штат охраны. А враг воспользовался.

Свердлов вздрогнул: вот тебе на, сам заговорил о том, что хотел сказать он.

А Дзержинский продолжил мысль:

– Но, в Петрограде я успел о многом подумать и во многом разобраться. В конечном итоге пришёл к выводу: правильно сделал, что не вернулся в Москву. – Свердлов напрягся вторично. Что-то не нравилось ему в голосе чекиста. Слишком уверен Феликс. Даже чересчур. – Там, в Петрограде, я вышел на контрреволюционный заговор, центр которого находится здесь, в Москве. – Феликс Эдмундович отметил, как Яков Михайлович поёрзал в кресле худосочным задом: чуть – чуть заглотнул наживку. – Вчера в Петрограде мы арестовали британское посольство. – Свердлов едва не выдал себя матюком: вот так новость! А Гришка не предупредил. Неужели скурвился? А, может, телеграфисты, суки, не доложили? Нужно выяснить. Если так, всех на фронт, к ё...й матери! Феликс Эдмундович, тем временем, устало продолжил. – Именно они отсылали приказы и помогали финансами тем, кто организовывал покушения на Володарского и Моисея. К сожалению, главный организатор преступлений, Кроми, живым не дался, но, тут, как говорится...

– А подтверждающие документы имеются?

– Да. – Твёрдо ответил Феликс Эдмундович, тут же удивившись сам себе.

Свердлов попытался скрыть замешательство. Опаньки, а вот такого оборота дел он никак не ожидал. Что ж получается? Феликс нашёл виновника там, где того не было? Очень интересно. Хорошо, очень хорошо, что сдержался, не вызвал охрану.

– И каковы будут дальнейшие действия ЧК? – Вслух поинтересовался Председатель ВЦИК.

– Почему будут? Мы уже начали действовать. – Твёрдо отозвался первый чекист. – В Петрограде начались аресты подозреваемых. На основе тех материалов, что у нас оказались в руках. Бокою отдан приказ о расстреле тех лиц, чья вина будет доказана, и кто окажет сопротивление.

Итак, руководителем ПетроЧК назначен Глеб. – Тут же отметил Яков Михайлович. – Варвару, любовницу Григория, не поставил. Что это? Удар по Зиновьеву? Но почему? Пути Дзержинского с Зиновьевым нигде не пересекались. А что если...

Холодный пот выступил на лбу Якова Михайловича.

А в голове застучали молоточки: да нет, не может быть. Во-первых, Григорий действует через подставных людей, и не через одного человека. Конспирация там на высшем уровне, как-никак, опыт имеем. Во-вторых, если бы подозрение пало на Гришку, то под наблюдение попала бы и Варька, а та молчит. Значит, тут что-то личное. Но всё-таки, почему именно Бокия Феликс решил поставить в ПетроЧК?

– Ну, с Питером ясно. – Свердлов поёрзал задом по коже кресла, имелась у него такая привычка. – А как с Москвой?

Вот и пришли к нужному моменту. – Догадался Феликс Эдмундович.

– По Москве поступим так. – Твёрдо произнёс чекист. – Сейчас, в данный момент, идёт захват британского консульства. Как только документы окажутся в наших руках, начнём аресты по всей Москве и волости. Уверен, там найдётся информация о подготовке покушения на Ильича. Кстати, что с Каплан? Созналась?

Свердлов почувствовал, как волосы на голове начали подниматься дыбом. Вот тебе и Феликс! Всё, провал. Дзержинский не просто переиграл, положил на обе лопатки.

В Совнаркоме всем было известно о том, что британцы не случайно отказались покинуть большевистскую Россию: имелись веские подозрения, что они помогают местной контре, ждут победы «белого движения». Естественно, компрометирующие бумаги, с помощью которых Феликс выползет из-под того валуна подозрений, который скатил на его голову Яков Михайлович, найдутся. А это крест, крест на всём предприятии. Даже если он, Свердлов, сейчас вызовет охрану, всё одно через час Дзержинский выйдет на свободу. А потом... Лучше не думать.

– Да, созналась. – Выдавил из себя Председатель ВЦИК. – Полностью. Подписала протокол.

– Вот как... Можно взглянуть?

– Конечно.

Яков Михайлович вернулся к столу Ильича, вытянул из верхнего ящика листы протокола, протянул их Председателю ВЧК. Дзержинский быстрым, цепким взглядом пробежался по тексту, глянул в нижний, правый угол страниц.

– Подпись Каплан?

– Сомневаешься? – В голосе Якова Михайловича прозвучали обиженные нотки. Что выглядело смешно.

Впрочем, Феликсу Эдмундовичу было не до смеха.

– Признаюсь, думал, ты уже расстрелял Фанни Ефимовну.

Свердлов упал на стул Ильича, огромным усилием воли смог изобразить на лице усмешку. Как сейчас для него был страшен этот худой, скуластый мужчина, с модной, козлиной бородкой.

Каплан действительно не было в живых. Но Дзержинский о том знать никак не мог, потому, как о смерти Каплан, помимо Якова Михайловича, были извещены только два доверенных человека: Курский и Петровский. Люди, искренне ненавидевшие Дзержинского. Кстати, именно им принадлежала мысль, на всякий случай, под именем Каплан посадить в камеру двойника, невменяемую наркоманку.

Якова Михайловича выдали руки. Они, что было неестественно для сурового и твёрдого по отношению к другим «товарища Андрея», вдруг принялись суетливо елозить по столу. Ранее подобного за Председателем ВЦИК не наблюдалось.

Петерс прав, – догадался Феликс Эдмундович, – Каплан больше нет. Что ж, у меня появился ещё один рычаг давления.

– Ты её, Яков Михайлович, охраняй хорошенько. – Чекист аккуратно вернул протокол. – Нам с ней следует провести перекрёстный допрос, когда захватим новых заговорщиков.

– Сейчас не хочешь встретиться? – С трудом выдавил из себя временный хозяин кабинета.

– Зачем? – Как можно равнодушнее произнёс Феликс Эдмундович. – Она призналась, а просто общаться не вижу смысла. Успеем. Единственное, что мне непонятно, что с оружием? Насколько понимаю, при Каплан орудия преступления найдено не было. Как с этим быть? Ты же понимаешь, без наличия револьвера мы не в состоянии обвинить Каплан.

Яков Михайлович зло выстрелил глазами в сторону собеседника. Играет, что ли? Вон как глаза блестят. Ну, конечно, ему обо всём доложил Петерс, в том числе и о браунинге. Отсюда и подозрение. Хитёр, ох хитёр Феликс. Только тут Яшка, сможет тебя переиграть.

Вчера, по личному распоряжению Якова Михайловича, «Известия ВЦИК» опубликовали заметку следующего содержания: «От ВЧК. Чрезвычайной комиссией не обнаружен револьвер, из коего были произведены выстрелы в тов. Ленина. Комиссия просит лиц, коим известно что-либо о нахождении револьвера, немедленно сообщить о том комиссии». (Петерс, в запале и темпе происходящих событий упустил данный опус из внимания, а потому ничего не сказал о нём в своём донесении Дзержинскому).

По странному стечению обстоятельств (данные «странные стечения» искусно создал сам Яков Михайлович), утром, в то время, когда Петерс встречал Дзержинского на вокзале, рабочий фабрики им. Савельева, некто А. В. Кузнецов принёс в Московскую ЧК найденный им на месте преступления браунинг. Оружие принял чекист Кингиссеп, о чём тут же доложил... товарищу Свердлову.

– Не беспокойся, Феликс, все доказательства имеются в наличии.

Теперь пришла очередь удивляться Дзержинскому: слишком уверенно ответил противник. Убеждённо. Секунду назад Председатель ВЦИК имел иной вид.

– И оружие найдено? – Поинтересовался Феликс Эдмундович.

– А то, как же.

Да, констатировал чекист, тебя действительно, голыми руками не взять. Правильно я поступил, что изменил тактику ведения разговора. Сейчас давить с помощью Каплан никак нельзя, даже если она и мертва, и Яшку можно схватить за руку. Потому, как Свердлов, в данный момент, необходим в качестве союзника, а не обвиняемого. Толку от того, что его снимут с поста: свято место председателя ВЦИК пусто не останется, и ещё неведомо кому достанется. Нет, пусть уж лучше Яков посидит какое-то время в этом кресле, по крайней мере, будет управляет. По причине того, что Старик остался жив, Яков попал на перепутье, и теперь стоит перед дилеммой: с кем идти дальше? С Лениным, а значит, со мной, или со Львом? Присмотрю сторону Льва – война продолжится. Но не факт, что победителями выйдут они. А Яков рисковать за просто так не любит. Он рискует только тогда, когда видит цель. С Троцким такой цели нет, потому, как Лев Давидович заинтересован в личной победе, а не в их тандеме. Якову про то известно. Присмотрю нашу сторону, пусть и под давлением, войне конец. Не совсем, но сейчас прекратится, как пить дать. В этом случае он гарантированно остаётся при власти. В данном варианте решения главное слово «гарантировано». И, пока Яков Михайлович не решил дилемму самостоятельно, следует протянуть ему руку. А потому, более ни слова о Каплан.

Дзержинский встал, прошёл к открытому окну, вдохнул полной грудью тёплый, почти горячий воздух:

– Вот что, Яков Михайлович, давай начистоту...

* * *

Саша робко переступил порог знакомой квартиры. После столь неожиданной встречи, у него окончательно пропало всякое желание встречаться с родителями девушки, однако Нина настояла на своём. Негативные эмоции, бурлящие в душе юноши столь долгое время, в одно

мгновение погасли, испарились, исчезли, оставив лёгкий, эфирный горький осадок. Скорее, наоборот, вместо ненависти в душе родились робость и неуверенность. Будто снова вернулся в детство, и сейчас впервые войдёт в незнакомую квартиру, в которой живёт огромный, страшный дядя с громким, звонким, оглушающим, до ужаса пугающим голосом.

Нина, судя по всему, почувствовала душевные терзания молодого человека и чуть ли не силой заставила того войти в подъезд, а после преодолеть три лестничных пролёта.

Перед знакомой дверью Саша споткнулся, негромко выругался вслух. Круг общения последнего года жизни дал о себе знать. Девушка сделала вид, будто ничего страшного или странного не произошло, хотя, как помнил Мичурин, раньше в своём присутствии она никогда ничего подобного не позволяла.

Едва дверь распахнулась, Мичурин напрягся: он ожидал, что в прихожей в тот же миг появится знакомая, полная, вальяжная фигура хозяина дома, или тучная, оплывшая от житейских забот фигура хозяйки. После того раздрая, что творился в душе несколько минут назад, Саньке очень не хотелось видеть теперь кого-либо из них. К счастью, на скрип дверных петель никто не вышел.

Нина в спину подтолкнула юношу: мол, что стоишь? Входи.

Столовая, в которой юноша бывал неоднократно и с мамой, и сам, когда играл с Ниной, изменилась. Причём, не в лучшую сторону. Исчезли несколько стульев, некогда стоявшие вокруг овального стола. Пропала из буфета фарфоровая посуда. Статуэтки нимф, которые дядя Серёжа привёз из Италии, и которые так нравились Саше, тоже исчезли. Как и серебряные подсвечники, что, в своё время, украшали верхнюю, декоративную полку камина.

Юноша с недоумением обернулся к Нине, и только тут, при ярком солнечном свете, который лился из широкого окна, заметил, что исчезла не только посуда, но, вместе с ней, пропали и золотые серёжки с изумрудом, которыми так гордилась девушка.

Нина заметила пристальный взгляд Александра, неуверенно улыбнулась, тронула мочку маленького уха, чуть прикрытого белокурым локоном.

– Не обращай внимания. Обменяла на продукты. – Теперь Нина, в свою очередь, скрепив руки на груди, пристально рассматривала друга детства. – Саша... Саша, Саша. А я, признаться, думала, что уже никогда не увижу. Вы так быстро уехали. Даже попрощаться не успели.

Последние слова привели Александра в чувство.

– Нужда заставила. – Резко отозвался он, будто хлестнул девушку по лицу. – И добрые люди помогли.

– Мои родители к вашему отъезду отношения не имеют. – Спокойно, уверенно отреагировала Нина. – Я говорила с папой. Он всё сделал для того, чтобы вас не тронули. Только его никто не пожелал слушать. Тогда не только вас выгнали. Дядю Мишу, Андроникова, помнишь? тоже заставили покинуть дом. После арестовали, как и твоего отца. Правда, по осени, выпустили.

Дальше девушка продолжать не стала. И так всё понятно.

– Мама говорила, будто вы уехали в Москву. – Вдруг вспомнила девушка. – А вы оказывается здесь. Как мама? Где живёте?

– Маму убили. – Сашка хотел сдержаться, не получилось. Пришлось отвернуться, чтобы смахнуть, как можно незаметнее, слёзы со щёк. – Год назад. Бандиты. В поезде. Я жил в Москве. Только вчера приехал. С Дзержинским.

– Ты? С Дзержинским? – В голосе Нины прозвучало недоумение. – Саша, ты с ними?

– Да. – Почему-то, сам не понимая почему, стушевался Александр, впрочем, тут же, прокашлявшись, добавил уверенно. – Сотрудник Московской ЧК. В Петроград временно откомандирован. В помощь ПетроЧК. – Не сдержался, прихвастнул. Впрочем, справедливости ради следует сказать, тут же стало стыдно за своё враньё. А потому Санька перевёл разговор в иное русло. – А ты... Вы... Я хотел сказать.... – Мичурин никак не мог сообразить, что творится

во вроде бы знакомой с детских лет, но теперь такой незнакомой квартире. – Куда пропала посуда? Подсвечники? И не только они. Вас обворовали?

– Нет. – Послышался смущённый ответ.

– Обменяли? Почему?

– Как все. – Худенькие девичьи плечики вздрогнули. Наверное, от холода. – Как папа умер, так...

Продолжать она не стала. И так всё ясно.

Саша стоял, будто громом поражённый. Вот так дела. Дядя Серёжа умер.

Теперь Санька взглянул на Нину иными глазами. Господи, как она изменилась! Стала старше? Так мы все стали старше. Нет, дело в ином. Взгляд другой, глубокий, без привычной дерзинки – искорки. Потухли искорки. Раньше стройная, тонкая, гибкая девичья фигурка теперь сутулилась, горбатилась, будто Нина всеми силами хотела спрятать от чужого взгляда красоту юного тела. На ногах чулки. Старые, штопанные. Зачем? Ведь на улице ещё тепло. Мёрзнет?

– А мама? – Само по себе вырвалось из уст юноши.

– Болит. – Девушка поёжилась, плотнее прижала руки к груди. – Туберкулёз. Лежит в госпитале. – Нина изо всех сил сдерживала слёзы. – Потому и меняю вещи. Нужно молоко. И лекарства. А в Петербурге сейчас ничего не достать. – И тут же личико осветилось нежной улыбкой. – Но мне повезло. Я за часы... Помнишь, стояли на камине? Так вот, я за них выменяла фунт изюму. Представляешь? Целый фунт! Ей на месяц должно хватить. Доктор говорит, на месяц хватит. Витамины.

Теперь Саше стали понятны и круги под глазами, и неестественная худоба девушки. И пугающая бледность лица, в конце-то лета. И чулки на ногах. В голове взорвался целый рой вопросов, который хотелось задать, но язык выбрал один из них один, тот, который в тот момент был самым главным:

– Ты сегодня ела?

Девушка могла не отвечать. Саша и так всё понял по её быстрому, тоскливому взгляду.

– Понятно. Который день голодаешь?

– Я не голодаю. – А гордость осталась прежняя. Это хорошо.

– Не ври. Сам в такой ситуации не раз бывал. На улицу, так понимаю, выходила, чтобы что-то обменять? Покажи.

Нина в тот миг почувствовала себя слабой, незащищённой, перед знакомым, и теперь уже таким незнакомым ей молодым человеком, а потому безропотно протянула руку. На ладошке сверкнула брошь из серебра, с драгоценным камнем по центру. Тяжёлая, старинная, и, как было известно Саше, передаваемая по наследству.

– Спрячь. – Мичурин даже не стал трогать украшение. – И подальше. Сиди дома, жди меня.

– Ты куда?

– Куда нужно! Только не уходи! Я скоро!

– Честно? – А в голосе тревога.

– Честно. Сиди здесь! В городе беспокойно. И жди меня.

* * *

Озеровский схватил водителя за руку:

– Стой! – Негромко, но твёрдо приказал следователь.

Нога шофёра резко нажала на педаль. Вслед послышались матюки:

– Что я, лошадь, что ли? Аристарх Викентьевич, это ж техника, а не скотина! Кобыла и та сразу не останавливается, а тут столько лошадиных сил...

Однако, бранные слова обтекали Озеровского стороной и тут же испарялись в воздухе, не оставив даже воспоминания. Всё внимание следователя было приковано к быстро удаляющейся по набережной Фонтанки знакомой фигуре молодого человека в кожаной тужурке.

Ну вот, подумал старик, мои предположения сбылись. А ведь кто-то сказал, будто собирается на Марсово поле. Любопытно, что вы, молодой человек, тут делали столь долгий час? Обходили квартиры? Общались с дворником?

Аристарх Викентьевич хотел, было, окликнуть юношу, но передумал. Плечи следователя устало опустились: господи, как всё банально просто. Бокий. Конечно, Бокий, кто ж ещё? Судя по всему, Глеб Иванович перестал доверять, если вообще когда-то ему доверял, а не делал вид, потому и «прицепил» мальчишку. Разыграл спектакль, будто тот предоставлен в помощь, а на деле...

Сыщик с трудом распахнул дверцу авто, шагнул на проезжую часть дороги. Может, вернуться и послать всё к лешему? Написать в отставку, пусть сами во всём разбираются.

На душе стало гадко, мутрно.

Аристарх Викентьевич с силой сжал веки, так, что заболели глазные яблоки: так и сделаю, только сначала следует довести до ума то, зачем приехал.

Проверив в кармане сюртука фото Канегиссера, Озеровский, тяжёлым, шаркающим шагом направился в арку дома, к полуподвальному помещению, в котором проживал дворник. Допросим, и в отставку.

* * *

Олег Владимирович провёл рукой по грязным, сальным волосам на голове, по ненавистной бороде. Полковник терпеть не мог волосатости на лице, всегда тщательно брился. Теперь приходилось обходиться без лезвия. И горячей воды. Белый поморщился: помыться бы тоже не мешало.

Полковник присел на топчан, прислушался к своему телу. Странно. Ничего не болит. Прав, таки, был доктор Барышев, когда утверждал, будто положительные эмоции вырабатывают некие морфины, которые излечивают многие заболевания. Ведь как «воскрес» Саша, так Белый ни разу даже не вспомнил ни о спине, ни о температуре... Нужно будет рассказать доктору. Порадовать старика. Если тот, конечно, ещё жив. И если сам выйдешь из тюрьмы, – тут же подкорректировал себя Олег Владимирович.

Стоп! Такие мысли гнать из головы поганой метлой. Он обязан выйти! И не просто выйти, а, к тому же, покинуть Россию, обосноваться в Берлине, или Париже. Или там, где будет выгоднее новой власти.

Полковник поднялся на ноги, опираясь о край топчана, несколько раз присел, после чего отжался от пола, раз семь, встал, оправил одежду. Теперь прогулка по камере, в который раз за последние сутки: пятнадцать шагов вперёд, пятнадцать – обратно. Нужно приводить тело в нормальную физическую форму. Хорошо, нет сокамерников: всех развели по допросам. Никто не мешает, не отвлекает. Есть полчаса времени.

Итак, что имеем?

Дзержинский уехал. Тюремный телеграф поставлял с воли самые свежие и самые точные сведения. Значит, Саша уехал с ним. Это хорошо. Теперь можно начинать комбинацию. Вопрос: с кем? С матросом? Отпадает. Доронин наживку не проглотит. Опыта нет. Достаточно вспомнить, как он слишком топорно, прямолинейно вёл допросы. Бокий. Этот червячка заглотнёт. Только наживку следует подвести крайне аккуратно. И начать следует издалека. И не с него, Белого, а с самого Бокия. Да, именно с Глеба Ивановича. В нужный момент подбросить «некую информацию», которая заинтересует чекиста, и, что самое главное, сблизит их. После нужно будет «приоткрыться». Слегка. Вскользь. Что и станет той самой наживкой.

Белый завёл руки за затылок, свёл пальцы в замок, с силой раздвинул локти. Спина мгновенно напряглась, кровь прилила к голове. Промеж лопаток образовалась приятная боль. А мозг продолжал анализировать.

Теперь следует вспомнить, что известно о Бокие? Практически, ничего. Информация по большевикам, в своё время, приходила в Генштаб опосредованно, через пятые руки. К тому же Белый по «внутриполитическим» не работал, если, конечно, те не «замазывались» с иностранной разведкой. Бокий в числе «замазанных» никогда не проходил. Однако, нечто любопытное, на Глеба Ивановича, всё-таки, пришло и в их отдел: информация о математическом шифре, который изобрёл будущий чекист в 1914 году. Или пятнадцатом? Какая разница. Важно другое: шифр оказался крайне интересным и настолько сложным, что его никто так и не смог разгадать. Но отталкиваться от шифра нет никакого смысла, хотя бы потому, что они, он и Бокий, промеж собой его уже обсуждали. Возвращаться вторично – вызовет подозрения. Второе.... А что второе? Что ещё любопытного сообщали о Глебе Ивановиче такого, что бы заинтересовало чекиста? Память работала вхолостую, на ум ничего не шло. Крутилась в голове информация по так называемой организации «Группы 1915 года при ЦК», но из неё ничего путного нельзя выжать. Только фамилии сподвижников Бокия – Молотов, Тихомиров, Аросев... Ноль, пустота. Ни с кем из данной троицы Белый знаком не был. Опять же, информация тогда к ним пришла только по одной причине: жандармерия передала любопытные данные по новым методам конспирации, которые разработал будущий чекист. И ещё – Бокий в том году смог раскрыть целую сеть провокаторов. И что? Нет, зацепиться не за что. Не о провокаторах же с ним общаться?

Олег Владимирович присел на топчан, взял со стола тюремную миску, принялся вертеть её в руках.

Неожиданно, ни с того, ни с сего, вспомнился папа. Как в детстве собирали грибы. Лес, помнится, стоял туманный, в ранней осени, после дождя. Трава под ногами мокрая, скользкая. Воздух прелый, душный, сырой. Он, маленький Олежка, поначалу, жалел, что согласился пойти с отцом в лес: грязно, неудобно, мокро. К тому же грибы не желали попадаться на глаза. У папы набралось целое лукошко, а у него ни одного. Такая обида тогда накатила... Мысли крутились вокруг одного: папка специально идёт впереди, чтобы ему ничего не досталось. А тот только смеялся. И снова и снова терпеливо показывал, как нужно помогать себе прутиком: поддел листву аккуратно, не ленись – наклонись, посмотри: есть шляпка, или нет? И смотри внимательно под ноги, не растопчи в мечтах: гриб мечтателей не любит. Он любит, когда с уважением. Нагнулся к нему – поклонился. Тогда он тебе откроется, в ответ, в благодарность. Так и ходили до обеда. Солнце поднялось над лесом, припекло. Стало парко. И вроде, как уютнее. И в его лукошке уже лежали упругие, скользкие тельца маслят. А когда возвращались домой, папа, размахивая сучковатой палкой, вслух, громко, читал любимые строки:

*Где бродяга мой задержался?
Где тропинка петляет его?
Мир в одно ожидание сжался,
И вокруг никого. Ничего...*

*И в движение замедлились мысли...
И приклеились стрелки часов:
Словно гири, минуты повисли,
Веком час к мирозданию присох...*

Пальцы с силой, до боли, сжали миску. Вот оно. Некогда, эти строки, ради шутки, пропел Фёдор Иванович Шаляпин, в бытность в гостях у Василия Васильевича Розанова, где при-

существовал и Олег Владимирович. В информации, пришедшей из жандармерии, в 1916 году, сообщалось: Бокий неоднократно присутствовал на концертах именитого певца. Подозревали даже, будто во время концертов «Кузьма», таков был псевдоним будущего чекиста, встречается со своим связником. Однако, слежка положительных результатов не дала, а в то, что большевик Бокий посещает концерты великого певца просто так, из любви к искусству, жандармерия поверить никак не желала. Смешно сказать: подозрение пало даже на самого Шалыпина. О чём Белый и сообщил тому, чем повеселил «славу России». Да, именно на Фёodore Ивановиче и нужно наладить контакт.

* * *

Дзержинский стянул с головы фуражку, вытер платком мокрый от пота лоб. И всё-таки, перехитрил Якова...

...Ох, как не хотелось Феликсу Эдмундовичу говорить то, что он собирался произнести. Одно дело абстрактно рассуждать о красном терроре с Бокием, и совсем иное принять по нему решение. Мало того, лично озвучить данную мысль, из теории претворить её в практику. Однако, решение, принятое на лестнице, полчаса тому, было твёрдо и окончательно. Свердлов ждёт от него именно эти слова. И только эти. Не случайно Яков Михайлович, на протяжении последних двух месяцев, а Троцкий с осени семнадцатого так тщательно «вспахивали почву» и в Петрограде, и в Москве, и в Рязани, и в Вологде... Если сейчас, в данную минуту, не произнести то, что ждёт от него Председатель ВЦИК, вся схема, которую Дзержинский мысленно разрабатывал последние часы, рассыплется, словно песочный замок.

– Думаю, – Феликс Эдмундович поднёс кулак к губам, прокашлялся, – думаю, нам следует объявить о красном терроре, как ответе на террор белый. – Всё, слово произнесено! И всё-таки, Дзержинский не сдержался, добавил. – Ты знаешь, я всегда занимал противоположную позицию. И сейчас против. Но, к сожалению, иного выхода не вижу, Враг начал объединяться. Покушение на Урицкого и Ильича тому яркий пример. Мало того, враг получает финансовую поддержку из-за рубежа. И это только начало. В скором времени республику ждёт полномасштабная интервенция. Тогда контрреволюция получит в руки все козыри: деньги, оружие, продовольствие, обмундирование, мировую поддержку. Если сегодня не наведём порядок в тылу, в армии и на флоте, не выявим все контрреволюционные элементы, завтра спрятавшийся, притаившийся враг нанесёт удар в спину.

Свердлов поначалу опешил от такой «откровенности» собеседника, однако, быстро пришёл в чувство, прикинул, что к чему, принялся «играть спектакль». Яков Михайлович театральным жестом поднёс ко лбу руку, будто услышанное потрясло его, до глубины души. Прикрыл глаза, принялся тереть лоб.

Дзержинский отвернулся к окну. Ему стало противно и гадко, будто только что столкнулся с чем-то скользким, липким, брезгливым.

Неужели ради этого делали революцию? – Пронеслось в голове Председателя ВЧК. – Господи, как мерзко... Мы шли на штурм Зимнего с иными идеалами. С иными идеалами сидели в тюрьмах, умирали в ссылках, на каторге. Совсем иные идеалы провозгласили сразу по приходу к власти. А в итоге? И это Советской власти нет ещё года! А что будет после? Сколько таких Яшек прилипнет к партии? Яшек – кровососов. Сотни, тысячи? И что станет, когда все, разом начнут сосать кровь революции?

Феликс Эдмундович бросил быстрый взгляд на хозяина кабинета. Свердлов продолжал, закрыв глаза рукой, думать над словами чекиста. Красиво думал, хоть картину пиши.

Дзержинский сложил руки на груди: играй, Яков, играй. Может, тысячи таких, как ты, и пристроятся к нам. Скорее всего, так оно и будет. Но на каждого из них найдётся свой чекист, который не даст насосаться всласть. Так же, как этого тебе не позволю я. Хочешь террор? Будет

тебе решение о терроре. Да только не под твоим началом. Весь террор будет контролировать тот, кому положено: ВЧК. А уж он, Дзержинский, позаботится о том, чтобы всё проходило только и исключительно по закону.

Свердлов сделал вид, будто очнулся, востепенел, на короткий миг, стал похож на взъерошенного воробья.

– Думаю, ты прав. Республика действительно в опасности! Конечно, если бы...

Всё, – теперь Дзержинский прикрыл глаза рукой, будто устал с дороги, не выспался, – начался словесный понос. Сейчас Яков начнёт себя обелять, выискивать доказательства правильности данной позиции, будто перед ним не Дзержинский, а разношёрстный состав ЦИК, в полном составе. Но и в том, что сейчас вещает Яков, имеется логика: готовится к выступлению на заседании ВЦИК, потому, как не все члены комитета поддержат идею «красного ответа на белый террор». Мало того, сам Старик не является ярким сторонником подобных методов расправы с оппонентами. Ещё в семнадцатом, в декабре, Ленин как-то признался Дзержинскому:

– Боюсь, начинаем уподобляться якобинцам. Этого ни в коем случае нельзя допустить! И первую ответственность несём мы с вами, Феликс Эдмундович. Я, как руководитель Совнаркома, а вы возглавляете самый репрессивный аппарат республики. И снять эту ответственность с нас никак нельзя. К сожалению, уже раздаются упреки в том, будто мы применяем некоторые элементы террора. Подобное недопустимо. Мы должны быть чисты! Кристально чисты! Следует запретить гильотину, как в прямом, так и переносном смысле, чтобы не уподобиться французским революционерам, чтобы не совершить их ошибок, потому, как каждая ошибка будет нам стоить крови невинно убиенных, что станет началом конца республики.

Разговор происходил с глазу на глаз. Феликс Эдмундович никогда и никому не рассказывал о той беседе. Однако, неделю спустя Лев Троцкий, будто в ответ Ленину, неожиданно произнёс в присутствии Дзержинского: «В скором времени, подождите месяц – полтора, и наш террор примет такие формы, какие великим французским революционерам могли только присниться. Феликс Эдмундович, вы уже приготовили гильотину?». Едко сказал, с гаденькой улыбкой Иудушки на лице. Мол, как, съел?

Полгода Ленин, как мог, практически в одиночку, сдерживал идею Троцкого. Нет, таки, пошла, гулять по России.

Если бы сейчас Старик не лежал на больничной койке, а находился здесь, на своём посту... Нет, вопрос о терроре всё одно бы был поднят, слишком много о нём говорят в последнее время. Но то, что он бы был поднят в ином ключе – факт.

Сама собой пришла новая мысль, как продолжение предшествующей: красный террор, без всякого сомнения, потянет за собой массовые репрессии, без подобного рода деяний террора просто не может быть. Потому Ильич и настаивал на иных методах убеждения. Но сейчас он не с нами. И это главный козырь Якова и Троцкого.

А Яков Михайлович перешёл к заключительной части выступления:

– К сожалению, в ЦИК, в отличие от Совнаркома, многие поддерживают данную точку зрения. А потому, прямо сейчас, от имени ВЦИК, я подпишу сообщение, скажем так: о превращении Советской республики в единый военный лагерь. Как формулировка? На мой взгляд, корректно и понятно: о терроре ни слова, но он подразумевается сам собой. Однако, с юридической точки зрения...

Яков Михайлович довольно хлопнул в ладошки.

– Это станет заделом для принятия основного текста постановления. Кстати, прямо, сейчас, отправлю в Петроград телеграмму, от нашего с тобой имени, чтобы они там активизировались. Собственно, ничего особенного объявлено не будет. Переходная формулировка. Зато для отступлений меньше шансов. Да и если ВЦИК не примет решения по террору, мы сможем обойтись данным постановлением. Выполнять то всё одно твоему ведомству.

Специально выделил последнюю фразу. – Догадался Дзержинский. – Тем самым подчеркнул, кто будет главным исполнителем. Собственно, именно этого я и добивался: ВЧК возглавит контроль над террором. Теперь в моих силах ограничить его рамки. Главного я добился. А сейчас нужно показать Якову свою лояльность, чтобы не спугнуть его до принятия постановления. А после... После разберёмся.

С последней мыслью Феликс Эдмундович непроизвольно улыбнулся и принялся слушать Свердлова дальше...

* * *

Едва руководитель ВЧК покинул кабинет Ильича, Председатель ВЦИК поднял телефонную трубку:

– Лев Давидович вернулся с фронта? Соедините с ним! Отсутствует? Передайте, как только товарищ Троцкий появится в Кремле, пусть срочно зателефонирует мне.

Трубка упала на рычаг.

Ноги Председателя ВЦИК, подкосились, Яков Михайлович рухнул в кресло. На лбу, как реакция на сильное волнение, выступил холодный пот.

Несмотря на уверенность в поведении и спокойный тон, весь разговор с Дзержинским Свердлов провёл в абсолютном напряжении. Хотя и понимал, что не услышит, а ждал... Ждал, когда Феликс произнесёт одну – единственную, но самую главную фразу: так сколько, ты, Яков Михайлович, получил от Зиновьева за последний месяц золотишка и бриллиантов? И лишь когда чекист покинул помещение, смог перевести дух.

Яков Михайлович, второй, после Ленина, человек в Республике, а точнее, на данный момент первый, конечно, догадался, что Дзержинский перед ним разыграл представление, тактически продуманную игру «в поддавки». И, несмотря на все ухищрения Дзержинского скрыть свои мысли, Свердлов, таки, раскусил чекиста. Теперь следовало правильно использовать новое соотношение сил.

Утром, за полчаса до появления Дзержинского, его, Свердлова, люди (из числа обслуживающего персонала), которые находились в окружении Ильича доложили о том, что Ленин не только пришёл в себя, но даже пытался шутить и смеяться. Устроил лечащим врачам (Бонч-Бруевич сменил лекарей, которых назначил Свердлов, на тех, кому доверял, и сам, неотлучно, круглосуточно, находился в комнате, при больном) шуточный допрос. Мол, каковы его шансы на полноценную активную жизнь? Те, так же шутя, ответили, мол, шансы у раненого на полноценную жизнь большие, а вот активной мужской жизнью, в его возрасте, желательно заниматься как можно спокойнее. История шутки моментально распространилась по Кремлю и, к данному часу, наверняка, выползла за его стены, начала, в видоизменённом виде, расползаться по Москве. Теперь, даже если Яков Михайлович, каким-то образом и сможет ликвидировать конкурента, всё одно в естественность смерти Ильича никто не поверит. Начнётся расследование и тогда... Страшно подумать.

Последние мысли пронеслись в голове Председателя ВЦИК минут десять назад, когда Дзержинский ещё находился в его кабинете.

Не в моём, тут же поправил себя Свердлов. У Ленина. И я правильно сделал, что ничего не стал менять в обстановке: всякий, кто заходит в кабинет, ощущает, будто Старик не болен, а вышел на минуту по делам. И ещё: мне более не стоит сидеть на стуле «старика», присяду сбоку. Вроде, как помогаю.

Но каков Феликс... Как расписал! И волки сыты, и овцы целы. Снова принялся всех мирить, как при подписании Брестского договора. Только на сей раз у тебя, Феликс Эдмундович, ничего не выйдет! А вот мыслишку, по поводу того, чтобы ВЧК возглавило террор, следует обсосать. Есть, есть в ней резон!

* * *

– Глеб, – Варвара Яковлевна без стука ворвалась в кабинет руководителя ПетроЧК, – ты, что ж творишь?

Вот же... – Чертыхнулся Бокий, с тоской глянув на первого помощника, точнее, помощницу. Думал, хоть денёк не увижу. Нет, принесла нечистая.

– Что ещё?

– Это что за приказ не допускать до арестованных представителей власти?

– Смотря, какие представители, и какой заключённый. – Спокойно парировал Глеб Иванович. – Если имеешь в виду Канегиссера, по нему, кроме следователей, распоряжение касается всех.

– Получается, Риксу и Отто можно входить в камеру, а мне, одному из руководителей ЧК, ходу нет?

– Тебе нет. – Продолжал сохранять спокойствие Бокий. – И мне нет. Только следователи. Взгляд разгневанной женщины не предвещал ничего хорошего.

– На скандал нарываешься?

– Нет, на объективное расследование. Если тебя что-то не устраивает, телеграфируй Дзержинскому. Как ответит, так и поступим.

Юбки с шорохом взметнулись вокруг полных женских икр, обдав лицо чекиста воздушной волной, наполненной запахами женского пота, пыли и дешёвых духов. Впрочем, Бокию было не до ароматов: ушла, и, слава Богу, без неё хлопот полно.

* * *

У входа в Спасские ворота, заложив руки за спину, вытапывал по брусчатке невидимую дорожку Яков Христофорович Петерс. Он уже с полчаса нетерпеливо прохаживался перед Кремлём (приказано было находиться именно в этом месте), в ожидании Феликса Эдмундовича. Завидев начальство, руководитель Московской «чрезвычайки» подобрался, подтянулся.

– Как прошло задержание? – Не останавливаясь, поинтересовался Председатель ВЧК.

– Без инцидентов. – Петерс поспешил вслед Дзержинскому. – Арестовали почти всех. Локкарта взяли на квартире, можно сказать, на месте морального преступления: на любовнице. Задержали и её, на всякий случай. Захватили здание консульства.

– Вы сказали: почти всех. – Дзержинский резко остановился. – Кого упустили?

– Рейли. Будто нюхом чуял опасность.

Яков Христофорович робел, в ожидании разноса.

Однако, Феликс Эдмундович, супротив ожиданиям, неожиданно хитро прищурился:

– А то нам даже на руку. Да, да, не удивляйтесь. На его побеге можно будет сыграть: как – никак, сбежал преданный им свидетель. Но то после. Бумаги изъяли?

– Что было в миссии, и на квартирах арестованных. Ознакомиться, ещё не успели.

– Подождёт. – Феликс Эдмундович весело, по-мальчишески, махнул рукой, взялся за ручку дверцы авто. – А вот что следует сделать в первую очередь, Яков Христофорович, так это провести перекрёстный допрос между Локкартом и Каплан.

– Так ведь Каплан тут, в Кремле. – Петерс кивнул головой в сторону Спасских ворот. – К тому же, уверен, её нет в живых. Иначе, для чего Петровскому понадобилось забирать от нас? Опять же, крайне сомневаюсь в том, что Локкарт лично знаком с Фанни Каплан. Разного полёта птицы.

– И я в том уверен. И тем не менее, как только вернёмся на Лубянку, тут же напишите официальный документ к коменданту Кремля с требованием о предоставлении возможности для проведения допроса. И чтобы сегодня документ лежал на столе Малькова².

Идея провести встречу представителя британской миссии и подозреваемой в покушении на Ленина женщины в голове главы ВЧК возникла ещё во время разговора со Свердловым. Дзержинскому, чтобы привести свой план в исполнение, в край было необходимо время, а оно могло появиться только в одном случае: если переключить внимание Якова Михайловича. Свердлов далеко не глуп, если не отвлечь его внимание, в скором времени начнёт прокручивать со всех сторон в голове их разговор и, конечно, раскусит причину столь покладистого поведения чекиста. И тогда...

Очная ставка, по мысли Дзержинского, могла стать самым действенным отвлекающим маневром. Пока Яков будет возиться с Локкартом и Каплан, прилагая все силы для того, чтобы свести тех только в своих стенах и только в присутствии своих людей, тем самым пытаясь скрыть убийство настоящей Каплан, он, Дзержинский, успеет встретиться со Стариком. Во-первых, для того, чтобы подготовить Ленина к мысли о том, что покушение, как на него, так и на Урицкого было подготовлено не контрреволюцией, а «преданными» ему людьми. Конечно, Старик сразу не поверит в то, что преподнесёт Дзержинский, в чём Феликс Эдмундович ни на секунду не сомневался, однако, крепко задумается над словами чекиста, что уже немало. Во-вторых, нужно получить поддержку Ленина на будущее заседание СНК по поводу введения террора. Понятное дело, сам Ильич на заседании присутствовать не будет, его слова передаст Бонч-Бруевич, но и того станет достаточно.

Голос Петерса вернул Дзержинского в реальность.

– Петровский откажется доставить Каплан на Лубянку. – Уверенно парировал Яков Христофорович.

– Я тоже так думаю. Но на то вы и глава ЧК. – Начал учить чекиста, как себя вести, Феликс Эдмундович. – Требуйте. Настаивайте. Аргументируйте. И только когда почувствуете, что переговоры зашли в тупик, соглашайтесь на проведение допроса в кремлёвских камерах. И ещё: настаивайте на том, чтобы вам дали «добро» на очную ставку в вашем присутствии.

– Получу отказ!

– Вы руководитель ЧК!

– А Петровский нарком внутренних дел. И мы подчинены ему.

Феликс Эдмундович всем телом развернулся к Петерсу, заглянул тому в глаза, прямо в зрачки.

– Яков Христофорович, вы с кем?

Петерс стушевался, чем и выдал себя с головой.

– Трусите? Подавайте в отставку!

– Феликс Эдмундович... – Голос чекиста сорвался. Левая щека нервно дёрнулась.

– Можете не продолжать. – Дзержинский отмахнулся. – Запомните на будущее: вы – руководитель Московской ЧК, моя правая рука. Знаете, что бывает в случае, если на руке образуются гангрена?

Петерс вздрогнул, невольно повёл плечами, однако, вслух ничего не произнёс.

* * *

Аристарх Викентьевич проигнорировал жест Бокия, указывавший на стул, продолжил доклад стоя. Глеб Иванович, механически, отметил сей факт.

² Павел Дмитриевич Мальков, первый комендант Смольного. В связи с переездом советского правительства в Москву с марта 1918 и по апрель 1920 года – комендант Московского Кремля.

– Дворник, Кузьмякин Сидор Иванович, узнал по фото Леонида Канегиссера и сообщил о том, что тот последнее время едва ли не каждый день, приезжал по адресу Набережная Фонтанки 54. Мало того, Кузьмякин знает, к кому приходил Канегиссер. Точнее, не к кому, а куда. В бывшую квартиру князя Андроникова Михаила Михайловича. К сведению: Андроников не проживает по данному адресу с ноября 1917 года. Тут следует заметить, в марте того же семнадцатого Временное правительство обвинило князя в шпионаже в пользу Германии и возбудило против него уголовное дело. Однако, данный факт подтверждения не получил. Андроников, по ложному обвинению, пробыл в «Крестах» три месяца. То время, пока он находился под следствием, квартира пустовала. После освобождения, в июле, князь продолжал проживать в ней, до тех пор, пока в ноябре не съехал окончательно. С того часа квартиру занимает некто Свиридов Степан Фёдорович, инженер – путейщик, переехавший в Петроград из Москвы. На данный момент Свиридов отсутствует: вернулся в Москву, к родственникам, как сообщил Кузьмякин, инженер выехал на время, к больной матери, Свиридовой Анне Гавриловне. Московский адрес, к сожалению, неизвестен. Следует отметить: Свиридов отлучается из Петрограда регулярно, по два раза на месяц, с июня сего года. В августе отсутствовал тоже два раза. В последний раз оставлял ключи от квартиры Леониду Канегиссеру, о чём предупреждал дворника.

– Нужно получить подтверждение от Московской ЧК. – Тут же вставил реплику Бокий. – Пусть подтвердят пребывание путейщика в столице.

– Я уже отослал телеграмму. Простите, без вашего разрешения...

– Аристарх Викентьевич, – Глеб Иванович присмотрелся к старику, – что с вами? Нездоровится?

– Нет. Всё хорошо.

Интонация, с какой был дан ответ, не понравилась чекисту. Может, устал старик? Как-никак, возраст, почти шестьдесят, а он его гоняет, как мальчишку. Нужно будет дать выходной, а, то и два. Но не сейчас.

– Во время отсутствия Свиридова Канегиссер пребывал в его квартире один?

Утвердительный кивок головой.

– И к нему никто не наведывался? Дворник никого не заметил?

– На словах, нет. Впрочем, словам Кузьмякина можно верить и не верить, потому, как бывшая квартира Андроникова имеет два входа: один парадный, со стороны набережной, второй, чёрный, со стороны двора. За обоими одновременно уследить невозможно. Так что, вполне вероятно, Кузьмякин мог и не заметить гостей. Но, с другой стороны, дворники народ крайне наблюдательный. Особенно те, кто со стажем. Кузьмякин при доме Толстой приписан чуть ли не с его закладки. Возможно, врёт.

Снова странная, неприятная интонация голоса.

– Аристарх Викентьевич, что случилось? Вы странно сегодня себя ведёте. Что-то произошло? В семье?

Озеровский хотел сдержаться, однако, не получилось.

– Глеб Иванович, я человек в возрасте, в сыском деле не первый год, точнее, не первый десяток лет. При Керенском сидел в тюрьме. И, не смотря ни на что, никогда за все прошедшие почти тридцать лет, что я в сыске, замечу, ни разу мне не было оказано недоверие. Ни при Александре³, ни при последнем царе, ни при Временном правительстве: последним я был просто неудобен. Однако, и при них мне не было выказано недоверие. Только при вашей власти я впервые ощутил по отношению к себе это гадкое...

Губы старика задрожали. Озеровский попытался вымолвить подходящее слово, однако, шутевался, замолчал.

– Не пойму, о чём речь. – Бокий с удивлением привстал со стула.

³ Александр III Александрович – император всероссийский, отец Николая Второго, последнего российского царя.

– О вашем молодом человеке. – На сей раз следователь не сдержался: всё, что накопилось за полдня, выплеснулось на Председателя ПетроЧК. – Вы специально приставили ко мне этого.... Эту личность, чтобы он следил за моей работой. Не доверяете? Имеете полное право. Но почему не сказать прямо? Если я вам не подхожу, так и скажите, уйду в отставку. Зачем унижать? Я теперь сомневаюсь и в том, что Демьян Фёдорович не следил за мной, хотя ничего подобного за ним не наблюдалось, но поведение вашего юнца позволяет мне...

– Аристарх Викентьевич, – перебил следователя Глеб Иванович, – подождите. – Бокий тронул локоть старика. – Что-то всё одно не пойму, о чём речь? Какое недоверие? Какое поведение? Объясните толком!

– Я... – Озеровский никак не мог прийти в себя, а потому выталкивал фразы кусками, отрывками. – Я всю свою жизнь старался оставаться, по мере сил, вне политики, вне всякого рода грязи. Ни разу не замарал руки. Надеюсь, вы меня понимаете. Честь – моё единственное достоинство. А потому мне оскорбительно любое недоверие.

– Аристарх Викентьевич. – вторично нетерпеливо перебил старика Председатель ПетроЧК, – поверьте на слово, никто не собирался выказывать вам недоверие. Никто! В том числе и я. Объясните толком, что случилось? Насколько понимаю, речь идёт о нашем новом сотруднике? Итак, что с ним произошло?

Озеровский собрался с духом и выложил всё. В ответ Бокий искренно, громко расхохотался:

– И только по одной этой причине вы хотели подать в отставку? Ну и повеселили меня, ей богу, давненько так не смеялся. – Рука чекиста легко легла на плечо следователя. – Аристарх Викентьевич, дорогой мой сыщик со стажем, и как же вы не додумались о том, что следить за кем бы то ни было, поручают только проверенным людям? Согласны со мной? А с товарищем Мичуриным я познакомился в тот же день, что и вы. Так что, доверить ему, следить за вами, я бы никак не решился. А вот то, что он вам солгал... Неприятно, согласен. Но кто знает, по какой причине он это сделал? Не забывайте, наш новый сотрудник раньше проживал в Петрограде, вполне возможно, в том самом доме. Или в доме поблизости. Или в нём проживали, или до сих пор проживают его родственники, друзья, любимая девушка, в конце – концов. Поэтому он вам и не решился открыться. Вы сами в младости много рассказывали родителям, а тем более старшим товарищам о том, что происходит с вами? Лично я, признаюсь, частенько кое о чём умалчивал, а то и привирал. Не совсем, чтобы врал, но...

Лёгкий щелчок пальцами.

– А вы сразу в отставку. Нет, Аристарх Викентьевич, просто так мы вас не отпустим. Даже не рассчитывайте! Мало того, хочу, чтобы вы сейчас проехали со мной на Васильевский. Думал взять Доронина, но тот помогает Риксу, так что, не обессудьте.

Глеб Иванович оправил ремень на талии.

На самом деле, Бокия крайне заинтересовал рассказ Озеровского. Странно как-то получается: прибывший с Дзержинским из Москвы мальчишка оказался причастен к дому, в котором проживал подозреваемый. Нет, подозревать Мичурина в связях с Канегиссером полный бред: последний объявился на Фонтанке месяц тому. Но как всё странно сплелось...

На выходе из здания ПетроЧК Бокия задержал голос дежурного по подвальному этажу, где располагались камеры предварительного заключения:

– Товарищ Бокий, товарищ Бокий... – Запыхавшийся солдат подбежал к начальству. – С вами хочет пообщаться заключённый из двадцать четвёртой.

– И что? – Остановил чекиста Глеб Иванович резким окриком.

– Так это... Срочно хочет!

– Кто?

– Арестованный. Этот... Полковник. Беляк.

– То, что беляк, я и так понял. Не понял, почему охрана с ног сбивается, чтобы выполнить поручение арестованного? Вы кто, чекист, или половой⁴ на побегушках? Вот и ведите себя соответственно. Подождёт беляк, ничего с ним не случится. Каково, Аристарх Викентьевич? – Чекист кивнул головой следователю на заднее сиденье «мотора». – Как, при прошлом режиме охранник, по требованию арестанта, бегал сломя голову к руководству? А у нас, видите, аж пыль из-под сапог. Это ж надо: заключённый требует к себе руководителя ЧК... Демократия.

* * *

Свердлов специально предложил Льву Давидовичу Троцкому встретиться в Александровском саду, без свидетелей. Только, в отличие от Дзержинского, который полчаса тому прогуливался по аллее, вдоль Кремлёвской стены, Яков Михайлович выбрал Нижний сад.

Лев Давидович⁵, в ожидании Председателя ВЦИК, стянул с переносицы очки, глянул линзы на свет, после извлёк из нагрудного кармана офицерского кителя платок, принялся тщательно протирать стёкла.

За спиной послышались шаги, тяжёлое дыхание.

Троцкий подышал на линзы, снова посмотрел сквозь них на прикрытое облаками солнце.

– Так понимаю, тебя Дзержинский возбудил? – Без всякого приветствия, подслеповато прищурившись, произнёс Лев Давидович.

– Возбуждают бабы. И то не всегда. – Неприязненно отозвался товарищ Свердлов.

– Бабы, Яков Михайлович, не возбуждают. – Очки вернулись на переносицу Председателя Высшего военного совета. – Возбуждают женщины и девушки. Бабы пашут. Потому они и бабы. Однако, вернёмся к Дзержинскому. Наш Дон Кихот сделал тебе некое неприемлемое предложение? Уж не уйти ли в отставку? – Троцкий даже не улыбнулся. – Шучу. Это только наш сервантовский идеалист может позволить себе отказаться от руководящего кресла по причине измены человека, которого привёл в свои органы. А мы не такие. Мы попроще⁶.

Яков Михайлович в очередной раз поразился проницательности Льва Давидовича.

Из всего руководства республики Председателя ВЦИК больше всего тянуло в сторону единокровника Троцкого. И тому причиной было не только внешнее сходство: оба кучерявы, с плотной, волнистой копной волос на голове. Оба носили оптику, только Троцкий, в отличие от Свердлова, который пользовался пенсне, предпочитал очки. Оба отрастили небольшую модную бородку – клинышком и усы.

Их объединяла жизненная позиция. И тот и другой жаждали абсолютной власти. Оба ратовали за введение военного положения в республике и, как следствие, террора по всей территории страны.

Однако, именно это их и разделяло. И Свердлов, и Троцкий понимали: пока Ленин жив, им о власти, о полной власти, безграничной и безраздельной, не стоит и мечтать. Но как только Старик отдаст Богу душу, в Кремле тут же разразится война за трон. Война кровавая, страшная, на выживание, до победного конца одной из сторон, потому, как лидер должен быть один, и только один! Однако, в данный момент, по причине того, что Старик остался жив, будущие

⁴ Половой (разг.) – официант в кабаке (трактире), употреблялось в России в конце XIX – начале XX столетий.

⁵ Лев Давидович Троцкий (имя при рождении Лейб Давидович Бронштейн) – профессиональный революционер. Дважды ссыльный при монархическом строе, лишённый всех гражданских прав в 1905 г. Один из организаторов Октябрьской революции 1917 г., один из создателей Красной армии. Один из основателей и идеологов Коминтерна, член его Исполкома. После отставки с поста наркоминдела (март 1918 года), в связи с открытым неприятием Ленинской политики в отношении «Брестского договора», Троцкий получил новое назначение: пост наркома по военным делам, с 28 марта – председатель Высшего военного совета, с апреля 1918 года – народный комиссар по морским делам.

⁶ Троцкий намекает на события, связанные с июльским эсеровским мятежом, в котором принимали активное участие сотрудники ВЧК, члены партии эсеров, по причине чего Ф. Э. Дзержинский, на время следственных действий, подал в отставку.

враги оказались вынуждены не только терпеть друг друга, но и действовать заодно. И лидером во всех решениях данного тандема, как ни странно, пока что всегда оставался Троцкий, В чём-чём, а в железной логике «льву революции» нельзя было отказать. Свердлову приходилось постоянно тянуться за ним, что Якова Михайловича крайне нервировало и, даже, бесило.

Вот и сейчас, Лев Давидович так поставил вопрос, будто незримо присутствовал на встрече Председателя ВЦИК и Председателя ВЧК, только не всё услышал из сказанного ими, и теперь решил некоторые моменты уточнить.

Яков Михайлович хотел, было, огрызнуться (ему в край не нравилось снисходительное отношение к себе со стороны наркома по военным делам), однако, во время опомнился, взял себя в руки: как-никак, именно он, сам, стал инициатором встречи.

– Я бы не сказал, что предложение неприемлемое. – Бросив взглядом по сторонам, начал «товарищ Андрей». – Однако, довольно неоднозначное. И странное. Дзержинский решил поддержать нас.

Чёрные, как смоль, брови Льва Давидовича в удивлении взлетели, линзы очков блеснули не в меньшем удивлении.

– Бойтся, что Ленин умрёт, и он останется в одиночестве?

Свердлов отрицательно покачал головой.

– Думаю, начал проводить в жизнь свою политику. Феликс арестовал британские консульства, как в Питере, так и здесь, в Москве.

– Ого! – Восхищённо выдохнул Лев Давидович. – Молодец. Признаюсь, не ожидал от него подобной прыти. Естественно, у британцев нашёлся материал по их причастности к покушениям?

– Пока об этом речь не шла.

– Пойдёт. – Уверенно отозвался Троцкий. – И что он тебе предложил?

– Заговорил о терроре. Согласен поддержать.

– Даже так? – Троцкий носком начищенного до зеркального блеска сапога пнул маленький камешек, лежащий на дорожке.

– Сам удивлён.

Остановились, встали друг против друга.

– Кажется, начинаю догадываться. – Тихо проговорил Председатель военного совета. – Скорее всего, Феликс нашёл у дипломатов компрометирующие материалы на эсеров. А сие означает... – Троцкий исподлобья глянул на собеседника. – А сие, Яков Михайлович означает одно: скоро в Совете народных комиссаров будут верховодить только большевики. Но не это главное. Главное то, что Феликс рассчитывает на поддержку СНК в вопросе контроля над террором. И большинство в Совете проголосует за то, чтобы дать этот контроль в руки ВЧК.

– Отсюда вывод: мы должны перехватить данную инициативу Феликса. – Продолжил мысль Льва Давидовича Председатель ВЦИК. – Демократия хороша в мирное время. Во время войны необходима сильная, центральная власть. – Яков Михайлович сделал паузу, после чего закончил мысль. – Наша власть. И такую власть даст только широкомасштабный террор.

– Которую собирается контролировать Дзержинский. – Напомнил Троцкий.

– Если мы ему это позволим. – Отрезал Свердлов.

Лев Давидович задумчиво тронул бородку.

Яков Михайлович извлёк из кармана кителя платок, тоже принялся протирать стёкла пенсне.

– Дзержинский костями ляжет, но не позволит террору, в том виде, в каком его видим мы, распространиться по всей стране. И Совнарком, скорее всего, поддержит его, а не нас.

– Яков, – взгляд «льва революции» натолкнулся на прищуренные, подслеповатые зрачки собеседника, – ты же понимаешь, промедление смерти подобно.

– Понимаю.

– Надеюсь, ты также понимаешь и то, что часть вверенного тебе ВЦИК примет позицию Феликса.

– Знаю. – Свердлов нацепил на нос пенсне, ответил взглядом на взгляд. – Мало того, понимаю и то, что времени «переубедить» не наших товарищей у нас нет.

– И, тем не менее, ты захотел со мной встретиться. – Троцкий погладил бородку. Нежно погладил, с любовью. – Делаю вывод: у тебя имеется свой вариант развязывания гордиевого узла. Я прав?

Свердлов удовлетворённо хмыкнул: приятно иметь дело с умным человеком.

– Как смотришь на то, чтобы стать во главе нового репрессивного органа? Не ЧК. Альтернативной структуры, которой ВЧК будет подчинена.

Троцкий медленно стянул с головы командирскую фуражку с красной звездой.

– Любопытно. Выкладывай.

* * *

– Варвара нужно увидаться. Срочно! – В голосе товарища Зиновьева слышалось явное волнение. – Нет, не завтра. Сейчас! Немедленно! Жду в Смольном.

* * *

Мичурин постучал в дверь. Сердце юноши готово было выскочить из груди. Девушка, услышав удары в дверь, едва ли не бегом побежала открывать, но и эти мгновения показались Саше чересчур долгими.

– Почему не поинтересовалась, кто стучит? – Тут же накинудся на Нину Александр, проходя внутрь квартиры. В его голосе слышалась тревога. – А если бы был не я?

– А я знала, что ты. – Тихо ответила девушка, с лёгкой улыбкой. – Как-то почувствовала. Да и кому я нужна? К тому же, если бы были бандиты, они всё одно выбили бы дверь. Какая разница, открывать или ждать, когда ворвутся? Второе даже хуже: будут злые, могут не только ограбить.

– Не говори ерунду. – Юноша прошёл в столовую, вывалил из вещмешка продукты на стол. – Не всякую дверь можно выбить. Да и люди когда услышат, что кто-то ломится, помогут.

– Никто не поможет. – Тихо, но твёрдо произнесла Нина. И тут же, повернувшись спиной к столу, сжалась в тугий комочек, скрестив руки на груди. – И никто не придёт. – В голосе слышались ненависть и презрение. – Наоборот, спрячутся по норам, даже если будут убивать, нос не высунут. Не говоря уже о другом.

Саша выронил из руки небольшой, похожий на кварц, кусок сахара.

– Ты... – Юноша вырос пред девушкой. Глаза Мичурина округлились: он начал догадываться. – Тебя...

– Да! Меня! Месяц назад! Что так смотришь? Удивлён? А чем я отличаюсь от других? Которых ваши... – Выкрикнула Нина и тут же захлебнулась криком, прижав к губам ладошку. Узкие плечики затряслись в бесшумных рыданиях.

Александр, огорошенный новостью, обернулся по сторонам.

– Это... – Облизнул вмиг пересохшие губы. – Ты того... Я же не знал. Ты того... – Рука робко легла на плечо девушки. – Ты...

– Ладно. – Шмыгнула носом Нина, грудь, вздохнув, судорожно дрогнула. – Что было, то прошло. Гадко только на душе. Грязно. Хотела повеситься, маму стало жалко. Папа только умер. Она бы не перенесла мою смерть, до сих пор ничего не знает. Хорошо, что обошлось. Если б забеременела... Даже не знаю, что бы делала.

Саша невольно опустил взгляд на тело девушки, тут же отвернулся, смутившись. Нина восприняла его реакцию по-своему. Тонкие губы сжались так, что рот девушки превратился в тонкую, нервную нить. А глаза искали глаза юноши. Мичурин же боялся их поднять. Всё смотрел то в пол, то в подол платья, то на сапоги.

– Это... – Юноша никак не мог подобрать нужных слов. – Это произошло здесь? Тут?

– И это единственное, что тебя волнует?

– Нет. – Взгляд Мичурина сам собой взлетел, наткнулся на глубину глаз Нины. – Главное, чтобы ты... Чтобы тебя... Чёрт, не могу найти слов. – Тряхнул головой. – Ты не слушай меня. Я... Ты запомнила того гада?

– Что?

– Я спрашиваю, ты запомнила того человека?

– Видела. Конечно. Только что это меняет?

– Если, как ты говоришь, он был из наших, – Нина вздрогнула, когда юноша произнёс слово «наших», – ему крышка!

– И что ты сделаешь? – Горькая улыбка проявилась на бледном лице Нины.

Мичурин повёл плечами.

– Убью.

Это было сказано так легко и обыденно, что девушка отшатнулась спиной, прижавшись к столу.

– Не смей! Господи, зачем я рассказала? Слышишь, не смей даже думать об этом!

– Почему? – Сашка сделал шаг к девушке. – Он ведь надругался над тобой.

– Не смей!

– Я отомщу за тебя.

– Не смей! – Нина со всей силы затрясла головой. – Забудь! Обо всём забудь! Я не хочу смерти! Будь кого! Хватит смертей. И я не хочу, чтобы тебя за меня посадили в тюрьму! Молчи! Молчи, умоляю тебя!

– Кого? Меня? Не посмеют! – Зло и с каким-то мальчишеским хвастовством отозвался Санька. – Я под самим Бокием хожу. А если будет нужно, и до Феликса Эдмундовича дойду. Он знаешь какой?

– Нет... Нет! Всё! Хватит об этом. – Выдохнула девушка, развернулась к столу. И вторично в испуге прижала кулачки к груди. Её глаза сами собой расширились от удивления. – Ого, сколько много всего. Даже страшно. Саша, это же целое богатство. Ты... Ты неправильно меня понял. У меня всё есть. Мне ничего не нужно. Ты забери это. И... И уходи. Пожалуйста! Прости, что... Увидела тебя, как-то вмиг обо всём забыла. А вот пришёл и... Дура, да? Да, дура! Прости, что гоняла тебя... Нужно было, сразу сообразить, только растерялась. Прости. И уходи.

– Нинка, ты чего? – Санька никак не мог выйти из состояния растерянности. – Я же нёс тебе. И ты ждала меня.

– Да, ждала. – Голос доносился до Сашки глухо, с трудом. – Только ты шёл ко мне другой. И когда увидел меня, то подумал обо мне, как о другой. И не говори ничего, я знаю! Я видела твой взгляд, твои глаза.

– Ну, так, и что, что видела? – Мичурин, наконец-то, пришёл в себя, вскипел. – Дура! Ты что ж, решила, будто я нёс всё это только из-за того, что того... С тобой... А теперь ты, вроде, как грязная, а я побрезгую? Да ты... Да как у тебя язык повернулся! Это я нёс просто тебе! Понимаешь, просто! И мне не важно, что там было. Нет, конечно, важно, но не так, как... Вот же, запутала меня совсем! Понимаешь, главное, ты есть! Понимаешь? ТЫ! У меня ведь, кроме тебя, никого не осталось. Совсем никого! А ты тут всякую ерунду городишь! А ну-ка, быстро ставь чайник. И перестань мотать сопли на кулак. Пировать будем. Но недолго. Мне ещё на Гороховую поспеть нужно.

Нина замерла в дверях.

– А ты... Ты ещё ко мне придёшь?

Саша услышал такую тоску в голосе девушки, что ему стало не по себе. Аж, скулы свело судорогой. Юноша отвернулся, окинул столовую долгим, пристальным взглядом и вдруг, неожиданно даже для себя самого, произнёс:

– Как смотришь, если я к вам переселюсь? А то у Аристарха Викентьевича диван скрипучий и больно давит пружинами на рёбра. Да и семья большая. Неудобно. А у вас своя охрана появится. – И тут же наигранно – весело добавил. – Продпаёк пополам.

* * *

На сей раз Григорий Евсеевич встретил любовницу не в личном кабинете, в Смольном, а в парке бывшего института благородных девиц, где, в ожидании сотрудницы ПетроЧК, товарищ Зиновьев нервно вытаптывал дорожки, заложив руки за спину.

– Что Канегиссер? – С ходу поинтересовался Председатель Совнаркома Петроградской трудовой коммуны, завидев женщину.

– Пока никак. – С ходу выпалила Варвара Николаевна, едва не упав в объятия мужчины. – К нему никого не допускают.

Взгляд Зиновьева оледенел.

– Ты... Ты понимаешь, что говоришь? Ты же обещала, что всё будет в полном порядке?

Голос Григория Евсеевича едва не сорвался на хрип.

– Бокий запретил допуск до мальчишки всем, кроме Рикса и Отто. Мало того, Канегиссера перевели в одиночку. Нужно ждать.

– Мы не можем ждать! – Зиновьев буквально кипел. – Ты должна была ликвидировать пацана ещё до приезда Феликса! Напомнить твои слова?

– Должна! – Вспылила, в свою очередь, Варвара Николаевна. – И всё для того сделала! Только не вышло!

– Ты... – Тонкий палец ударился в упругую женскую грудь. Твёрдо ударился, без всякого чувства. – Лучше помолчи! Ты не понимаешь, что происходит.

Рука Зиновьева принялась суетливо рыться в карманах брюк, от чего Председатель Петросовета изогнулся, словно гад ползучий. Женщина с трудом нашла в себе силы, скрыть брезгливость на лице, глядя на то, как взрослый мужик ведёт себя, будто нашкодивший гимназист.

Григорий Евсеевич распрямился, протянул ленточку телеграфа.

– Читай. Вслух!

– Бокию. Зиновьеву. – Принялась вчитываться Варвара Николаевна, пропуская сокращения «зпт» и «тчк», и добавляя, по смыслу, предлоги и союзы там, где те отсутствовали. – В связи с углубившимся сопротивлением белой реакции, принято решение о превращении Советской республики в единый военный лагерь. Решение ВЦИК будет опубликовано на днях. Незамедлительно приступить к поиску и изоляции, вплоть до ликвидации, всех контрреволюционных элементов. О каждом шаге ПетроЧК и Петросовета докладывать ежедневно в Совнарком, ВЦИК, ВЧК. Подпись: Дзержинский, Свердлов.

Варвара Николаевна с недоумением подняла глаза на любовника:

– И как это понимать?

– А так, дорогая моя! – Язвительно, перегаром, выдохнул любовник. – Спелся наш Яков с твоим Феликсом. Понятно? В одну дуду теперь дуют! – Зиновьев сплюнул на землю, растёр плевков каблуком сапога. – Сговорились, суки.

Яковлева с силой сжала ленту в кулаке.

– Не трясись. Это ещё ни о чём не говорит.

– То есть как? – Вспыхнул Григорий Евсеевич.

– Думай логично, Гриша. – Варвара Николаевна понизила тон. – Наш план сорван. Ленин жив. Дзержинский остался при власти. Но ещё не всё потеряно. Могло быть хуже. Слава богу, Феликс поверил в заговор и в иностранное вмешательство, и не стал рыть глубже.

– А Свердлов?

– А что Свердлов?

– То есть как что? – Выплюнул в мате очередной фонтан злости Зиновьев. – А что если Яков заговорит?

– Зачем? – В недоумении выдохнула Яковлева. – До стенки дело не идёт. Верёвка его горло ещё не жмёт. С какой стати Свердлову нас продавать? Нет, Григорий, Яков будет молчать. Мы для него дойная корова, дои, сколь хошь. Кто ж ему ещё, кроме нас, принесёт рыжью? К тому же, развяжет язык, самому придётся отчитаться за то барахло, что получил из наших рук. А это, – Варвара Николаевна сделала красноречивый жест большим пальцем левой руки вокруг шеи, – петля.

– Так-то оно так. А, ежели, прижмут?

Яковлева развернула ладошку, с зажатой в ней телеграфной лентой:

– Смотри, кто подписался. Свердлов по-прежнему во власти.

– В подконтрольной власти! – выдохнул Зиновьев.

Тут Варвара Николаевна была вынуждена согласиться.

– Так чё дале будем делать? – Григорий Евсеевич топтался на месте, будто конь в стойле.

В нужник что ли хочет? – мелькнуло в голове женщины, чтобы тут же данная мысль испарилась.

– Дале – затихним. – Сказала, будто отрезала Варвара Николаевна. – Подождём, чем всё кончится.

– А как быть со Свиридовым? Он же в Москве. В самом центре событий и с саквояжем... Ошь ты Боженька мой... А тут ещё Канегиссер, будто гвоздь в жопе торчит! Ты хоть понимаешь, если арестуют путейщика, любые его показания нам кость в горле?

– Хватит трястись! – Сквозь зубы прошипела Варвара Николаевна. – Кто его арестует? Кто об нём знает? Ты да я.

– А «побирушка»? А Иоселевич?

– За Андроникова не беспокойся: он калач тёртый.

– А Иоселевич? – Ядовито заметил Зиновьев. – Говорил тебе: давай и с ним делиться. Нет же, – Григорий Евсеевич принялся передранивать Яковлеву, – он из идейных, из ненависти к Урицкому... Вот теперь и загремим по идейному!

– Заткнись! – Прошипела Варвара Николаевна. – С Иоселевичем сама разберусь. К тому же, он про твою роль в этом деле ничего не знает.

– А ежели догадывается?

– Догадки к делу не пришьёшь.

Женщина брезгливо передёрнула плечами: господи, с кем связалась. Невольно сравнила Зиновьева с Бокием. Сравнение оказалось явно не в пользу последнего.

– Что делать? Что делать? – Председатель Петросовета сунул руки в карманы куртки – кожанки, вынул, вновь сунул. – А может нам того.... Всех...

Не сказал, выдохнул Зиновьев.

Варвара Николаевна на миг задумалась. В чём-то Григорий прав. После происшедшего, точнее, после провала операции, вести дела по-прежнему не имело смысла. Бокий и так косо смотрит, подозревает. А потому, убивать Андроникова и Иоселевича не имеет никакого смысла: вызовет лишние подозрения. Но как-то избавиться от них нужно. Вопрос: как?

Председатель Петросовета видел: в глазах любовницы замелькали, сталкиваясь и теснясь, некие мысли.

– Что надумала?

Женщина вскинула красивую головку.

– Свердлов и Дзержинский никогда промеж собой мира не найдут. Бояться следует другого: выздоровления Ленина. А все эти мансы... – Тряхнула лентой. – Всё одно, рано или поздно, схарчит друг друга. – Изящная фигурка Яковлевой напряглась в струну. – До той поры нам след изолировать всех, кто имел хоть какое-то отношение к нашему делу.

– Убить?

– Я сказала изолировать.

– Аааа... Понимаю, понимаю. И Андроникова?

– Его в первую очередь. – Ответила Яковлева, притом, подумав: ни черта ты не понял, Гриша.

– А как жжешь после...

– После будет после! – Отрезала Варвара Николаевна. – Дважды в одну реку не войти. След другое придумать. Да и в Москве, до того часа, всё должно успокоиться.

– А Иоселевич?

– Иоселевич вне подозрений: его подписи нет ни на одном документе. – Варвара Николаевна рассмеялась. – Идейный то идейный, а хвосты подчистил получше нашего. – и тут же серьёзно добавила. – Его трогать не станем. Ты лучше сделай ему перевод в Москву. Пусть там успокоится, остепенится. А придёт время...

Варвара Николаевна сунула руки глубоко в карманы кожаной тужурки, задумалась. Молнией, вспышкой, одна за другой вспыхивали в голове мысли, главную из которых с трудом пыталась выцепить.

Зиновьев вытянулся напротив любовницы.

– Чего замолчала?

– Думаю. В отличие от тебя. Без обид: вижу, вон, губёшки уже набрякли... Повесить дело на Иоселевича у Бокия не получится: тот занимался исключительно перераспределением заключённых в Кронштадт, в связи с перезагруженностью мест в «Крестах» и на Гороховой, и только! К тому же, по документам выходит, всеми переводами занимался один Моисей, а Иоселевич выполнял его приказы: на каждой бумаге имеется подпись только одного человека – Урицкого. Что снимает с Иоселевича все подозрения. А вот отпускал контру руководитель Кронштадтской ЧК Андроников. Человек...

Варвара Николаевна глубокомысленно замолчала.

– Человек Дзержинского. – Зиновьев догадался, куда клонит хитрая женщина.

– Именно. – Острый кончик язычка Варвары Николаевны нервно пробежал по сухим, тонким губам.

– Эх какая ты шалава умная. – Зиновьев в восхищении воздел обе руки к небу. – Да мы ж, благодаря «побирушке», прижём Феликса! самого «Железного Феликса»! Господи, ты меня услышал!

– Эх куда хватанул, я бы особо на сие не рассчитывала. – Тут же попыталась остудить пыл Председателя любовница. Впрочем, то было бесполезно.

Григорий Евсеевич, что называется, завёлся. Руки Председателя сами собой нервно тёрлись одна об другую, ножки едва не выписывали кренделя.

Глаза товарища Зиновьева расширились до неприличия.

– Ну, баба, ну мозга... Как думаешь, а что ежели мы придавим не только Дзержинского, а и Якова? С помощью Свиридова? А что, пусть даст показания супротив Свердлова.

– Дурак ты Гриша. – Со слюной выплюнула презрение женщина. – Хочешь стразу с двумя гигантами бодаться? Смотри, как бы самому шее не свернуть. Яшка вон тоже хотел как можно скорее занять место Старика, и что из того вышло? Нет, Гришуня, мы в большую власть будем идти медленно, маленькими шажками. Шажочками. Постепенно убирая неугодных людишек. Начнём с Феликса, Яков поможет. Потом сдвинем Якова, а его скинуть, в свою очередь, нам

поможет Лев⁷. Я ведь не зря перед самым отъездом в Питер имела с ним разговор. Тот тоже ждёт своего часа. Людей подбирает, подкармливает. Нет, Гришуня, с данной минуты мы станем действовать медленно и осторожно. Сейчас любой неправильный шаг нам не с руки. А посему, единственно, кого следует ликвидировать, так это Свиридова: он пешка, связник. Сути дела не знает, но знаком со всеми концами. Вот он действительно для нас представляет угрозу. Но убивать его след не в Москве: убьют в столице, где ситуацию контролируют Петерс с Дзержинским, неизвестно, куда приведёт следствие. Порешить нужно в пути, тело сбросить с поезда. И концы в воду!

– Ну да, ну да... – Суетливо согласился Зиновьев. – Только вот вопрос имеется: а где потом найдём надёжного связного?

– А нам связной больше не понадобится. Обрываем все нити, ведущие к Свердлову.

– Яшка жадный. Сейчас промолчит. Однако, после, когда всё стихнет, всё одно станет на горло давить, чтобы возобновили поставки камней и золота.

– Вот когда поутихнет, тогда и станем решать, что и как. Сегодня главное вылезти из того болота, что нас засасывает. А что будет завтра, даже Богу неизвестно.

– Согласен. Хотя, жаль, что оборвётся влияние на Свердлова. – С сожалением выдохнул успокоившийся Зиновьев. – Ну, да голову брить – волос не жалеть.

– Теперь о нас с тобой. – Проигнорировала последние слова любовника Варвара Николаевна. – С данной минуты – порознь. Любая сплетня нам ни к чему. Не звони. Сделаем вид, будто промеж нас чёрная кошка пробежала. Костери меня, особенно при Бокие, на чём свет стоит. Обвиняй в плохом ходе расследования по делу Моисея. Вешай всех собак. Нам сейчас Бокий нужен, как союзник, а не враг, а битых жалеют. Когда будет необходимость, сама тебя найду, только не здесь: в Смольном, слишком много любопытных глаз и ушей. Всё, прощай.

* * *

Глеб Иванович и Озеровский поднялись по ступенькам крыльца, промеж каменных, мордастых, гривастых львов. Аристарх Викентьевич аккуратно, костяшками пальцев, постучал в дверь:

– Откройте, пожалуйста! Мы из ЧК. Я у вас сегодня уже был.

Бокий усмехнулся: будь на месте старика Доронин, тот бы грохнул кулачищем в косяк, после чего, не спрашивая, рванул дверь на себя. Власть.

Створки распахнулись. На пороге стояла старушка, божий одуванчик. Ручки на груди, в глазах испуг.

– Проходите, проходите... Ой, что ж будет, что ж будет? – Стонала женщина, провожая гостей в столовую. – Как жешь оно то после... И куда нам теперь? Старик то у меня совсем хворый, прислуга распоясалась... Времечко..

– Простите, как ваше имя – отчество? – Глеб Иванович прошёл в залу, одновременно, столовую, вытянул из-за круглого стола стул, присел на него. Огляделся. Да, богато жил товарищ Урицкий. И хрусталь в буфете, и часы башенные в углу, и стулья мягкие. Камин в углу. Золотые, по нонешним временам, дровишки колодцем сложены. И хозяйка дома при параде: чистенькая, в фартучке, белом, накрахмаленном. Ты погляди, на что картошку переводил Моисей Соломонович, в голодном то Питере⁸.

– Арина Спиридоновна.

⁷ Троцкий Л. Д.

⁸ В те времена, если не было никакой возможности приобрести крахмал в магазине, его изготавливали в домашних условиях из картофеля.

– Так вот, Арина Спиридоновна, о том, как с вами будет дальше, поговорим позже. В беде не оставим. А, пока, расскажите нам вот об этом молодом человеке.

Бокий извлёк и кармана пиджака фото Канегиссера, протянул хозяйке дома.

– Вы подтверждаете, что узнали именно этого человека, когда вам сегодня предъявил фотографию наш сотрудник?

Женщина всхлипнула.

– Они... Они приезжали к Моисею Соломоновичу.

– Хорошо. – Глеб Иванович вытянул из кармана второе фото. – А этот юноша бывал в вашем доме?

Старушка взяла фото Перельцвейга. Руки задрожали.

– Володя... Володенька...

Из глаз брызнули слёзы.

– Насколько я понимаю, вы знакомы с этим молодым человеком?

– Да, это Сельбрицкий Владимир Борисович, друг Леонида Акимовича.

– Скажите, кто первым посетил дом товарища Урицкого? Канегиссер или его друг?

– Первым у нас побывали Леонид Акимович. – Старушка успокоилась, а потому отвечала внятно, чётко. – А Владимира Борисовича они привели по лету. После Моисей Соломонович подружился с Владимиром Борисовичем. Тот часто оставался у нас ночевать. Пока... – Морщинистая рука прижалась ко рту. – Пока его не расстреляли. Десять дён тому.

– Моисей Соломонович сильно переживал смерть друга? – Прозвучал за спиной Бокия голос Озеровского.

– Очень. – Женщина смахнула слезу со щеки. – Перестал есть. Два раза напился. Да так, что на ногах не стоял. Чуть не отравился.

– Леонид Акимович в те дни бывал в вашем доме? – Продолжал допрос Аристарх Викентьевич.

– Приезжали. Один раз, дён пять назад. Поздно. Ночью. Кричали, очень кричали друг на друга там, – рука указала в потолок, – в кабинете Моисея Соломоновича. После Леонид Акимович выбежали, крикнули, что ненавидят Моисея Соломоновича, и убежали. Больше их не было.

– Скажите, непосредственно перед смертью Сельбрицкого, Леонид Акимович посещал ваш дом?

Старушка отрицательно качнула седой головкой.

– Нет, приезжали за неделю до того. А потом вот только когда поссорились.

– В предпоследний раз Леонид Иоахимович приезжал один?

– Приехали одни.

– То есть... Вы хотите сказать, приехал один, а уехал с кем-то?

Старушка не сей раз качнула головой утвердительно.

– С кем?

– С помощником Моисея Соломоновича. С Сашенькой. – Озеровский перекинулся взглядами с Бокием: Иоселевич Александр Соломонович. – Очень обходительный молодой человек. Он тогда приехал вместе с Моисеем Соломоновичем. Прошли наверх, в кабинет. Долго разговаривали. А тут и Леонид Акимович нагрянули. Моисей Соломонович и Сашенька спустились. Покушали. Леонид Акимович кулебяку привёз. Моисей Соломонович очень любили кулебяку. Водочки выпили.

– Вы уверены, что они уехали вместе? – Поинтересовался Глеб Иванович.

– А то, как же. Разом. Сама открывала двери.

Едва чекисты покинули дом на Васильевском, Бокий тут же отвёл Озеровского в сторону:

– Аристарх Викентьевич, понимаете, чем пахнет дело?

– Не пахнет, воняет.

– Категорично, но точно. – Хмыкнул чекист, и тут же закончил мысль, глядя в глаза следователя. – Не боитесь? Может, самоотвод?

Старик горько ухмыльнулся:

– Не желаете сор из избы выносить?

– Нет. – Бокий и не подумал обидеться. – За вас боюсь. Сами видите, куда клонит. Когда почнём тянуть верхушку, станет жарко, даже для нас. А вы из бывших.

Уголки губ сыщика чуть дрогнули:

– Я, Глеб Иванович, давно перестал бояться. С тех пор, как меня пытались убить бандиты, в начале моего карьера.

– Так ведь мы сейчас не с бандитами имеем дело. – Резонно заметил чекист.

– Так ведь и я уже не мальчишка. – Не менее резонно ответил следователь. – Кой-какой опыт имеется.

– Дело разрастается, будто лужа во время дождя.

– Будем копать в луже. Точнее, в грязи.

– Что ж, иного ответа я от вас и не ждал. В таком случае, давайте договоримся: никакой самостоятельности. Все свои действия согласуйте со мной. И постарайтесь работать тихо.

– Можно просьбу?

– Слушаю.

– Отведите от меня юношу.

– До сих пор не можете простить ему выходку? – Рассмеялся Бокий. – Аристарх Викентьевич...

– Дело не в том. – Серьёзно отозвался сыщик. – Вы правильно заметили, дело разрастается в неприятном для нас виде. Он слишком молод. Вы ведь понимаете, чем это может кончиться?

– Понимаю. – Бокий не прятал глаз. – Отлично понимаю, дорогой мой Аристарх Викентьевич. Но, несмотря на ваше желание, Мичурин останется с вами. Нам необходимо довести дело до конца. А я, на Гороховой, на данный момент, доверяю только вам и Доронину. Демьян Фёдорович, как вы знаете, временно привязан к группе Рикса. Основная тяжесть расследования, ляжет на вас. Такая вот арифметика. К тому же, кто ж ещё сможет научить пацана сыскальному делу, как не самый опытный сыщик в ПетроЧК?

Хитрая улыбка осветила лицо Бокия. Оно вдруг стало почти детским, открытым.

Сам ведь совсем мальчишка, – Вдруг осознал Озеровский. – Обыкновенный мальчишка, которому досталась необыкновенная судьба.

– Всё. Едем.

Аристарх Викентьевич хотел, было, рассказать Глебу Ивановичу о том, что им, с Сашей (сейчас именно так захотелось сказать: нам с Александром) получилось выяснить утром в комиссариате внутренних дел Северной Коммуны, однако, передумал, решил перенести доклад на после. Время, посчитал следователь, терпит.

Но в том то и дело, что время уже не терпело.

* * *

Саша прибежал на Гороховую, взлетел на второй этаж, ворвался в кабинет.

– Где Аристарх Викентьевич?

Доронин едва не поперхнулся хлебом с луком.

– Чего орёшь? Я тут первый раз за день присел, нет, нужно ворваться. Уехал, с товарищем Бокием. Скоро будут. Сядь, поешь. Не жрамши, небось?

– Не хочу. – Отмахнулся паренёк. – Мне Озеровский нужен.

– Потерпи, придёт. – Демьян Фёдорович хрустнул луковицей. – Где был?

– Встретился с... – Саша запнулся. А действительно, с кем он встретился? Со знакомой? Вроде да. Промеж них с Ниной никогда даже намёка не наблюдалось на что-то. Год назад они ещё были маленькими, да и не до того было: началась война, отец всё время где-то пропадал. Потом, когда вернулся, его посадили. После их с мамой выселили. Так что, не до чувств. А сейчас... Кто они сейчас? Никто. Просто стало жалко Нину. Пропадёт одна. Или ему только кажется, что просто жалко?..

– Так с кем встретился? – Доронин прожевал еду, запил водой из графина, прям из горлышка.

– Ни с кем. – Отмахнулся Мичурин.

– Ясно. Барышню нашёл. – Догадался чекист, тряхнул головой. – Нет, оно понятно. Только днём следует делом заниматься, а не за девками бегать.

– А я и не бегал. – Сашку охватила злость. – Она живёт в моём доме. Ну, в том доме, где мы раньше жили. Вот увиделись.

– Так всё-таки, это она? – Тут же отметил наблюдательный матрос.

Сашка стушевался. Ну, его, этого Доронина.

– Ладно, салага, не обижайся. – Чекист аккуратно завернул в газету хлеб, спрятал в стол. – На вечер будет. Но если что – бери всё. Там и сало имеется. Девчонка то, небось, голодная. Отнесёшь.

– Уже отнёс. – Вырвалось само собой.

– Лишним не будет.

Санька резко вскинул голову, однако, в глазах Доронина не увидел и намёка на иронию. Демьян Фёдорович смотрел с грустью и усталостью.

– Сейчас все голодают. Так что не стесняйся.

– А вы как?

– А что я? – Чекист тяжело встал на ноги, приставил стул к столу, аккуратно оправил гимнастёрку, но так, чтобы в распахнутом ворота осталась видна тельняшка. – Мы народ бывалый. Продержимся.

Дверь снова распахнулась.

– Я же говорил. – Пророкотал матрос, – скоро будет.

Озеровский, увидев напарника, поманил того рукой.

– Едемте. Нет – нет, все разговоры после. Нам до ночи следует многое успеть.

* * *

На этот раз Белый отказался от чая, сразу перешёл в наступление.

– Глеб Иванович, я вам ещё нужен?

– В смысле? – Не понял чекист.

– По Канегиссеру всё, что вы просили, я сделал. Вам нужно ещё что-то от меня?

– Вроде нет.

– В таком случае настоятельно прошу применить ко мне смертную казнь. Незамедлительно.

– О как. – Бокий, подчиняясь привычке, прошёл к окну, присел на подоконник. – Что так срочно?

– Снова хотите пройти по кругу?

– Нет, повторяться не станем. Мне известна ваша позиция. Единственно, не могу понять, зачем торопить события? А если мы передумаем и выпустим вас?

– Не смешите. – Полковник закинул ногу на ногу. – Я устал. Пожалуйста, Глеб Иванович, выполните просьбу. Я действительно устал. Устал от всего того, что творится вокруг. Знаете, когда я понял, что самодержавию приходит конец? Нет, не в семнадцатом. Значительно

раньше, в девятьсот седьмом, когда познакомился с документами о причинах бунта на броненосце «Потёмкин». Матросов кормили червивым мясом, притом, что корабль стоял на рейде, в своих водах, рядом с Одессой, не в походе, и холодильники находились в исправном состоянии, не текли. А матросов кормили гнильём. Командир броненосца, первый помощник и начальник службы тыла прекрасно знали о том, что на судно поставляются испорченные продукты. Им закрыли глаза деньги, которые высшие чины получили в виде разницы от того, что обязаны были приобрести, и того, что приобрели в итоге. Как вам должно быть известно, гниль всегда дешевле. Именно командование броненосца являлось истинным виновником бунта. Ваши большевики только воспользовались ситуацией. И что мы имели в итоге дальнейшего расследования? Ни один из тех высших чинов не был наказан. Ни один! Потому, как подобное творилось не только на «Потёмкине». Коррупция. Империя сгнила в коррупции. О дворянской чести молчу, та просто растворилась в звоне монет. После всё, чем я занимался, только подтверждало мою убеждённость, что империя рушится. Рушится не снаружи, изнутри. Сгнивает, как перезревшее яблоко на ветке. Снаружи, вроде, красиво, а внутри черви. Сомневаюсь, что у вас, на основе той гнили, выйдет нечто толковое.

Белый замолчал. Молчал и Глеб Иванович.

Олег Владимирович провёл рукой по лицу, как бы стирая усталость. Закрыв глаза, пробормотал:

*На волосок от счастья —
Плачь, не плачь,
А сердце никого не хочет
Слушать.
И после стольких
Сразу неудач
Вдруг стало лучше...*

Вот и я, Глеб Иванович, хочу, чтоб стало лучше. Некогда сии строки мне пропел Фёдор Иванович. Пропел просто так, самостоятельно придумав мелодию. Но как было светло и радостно тогда на душе. Сейчас тьма.

– Знакомы с Шаляпиным?

– А что в том удивительного?

– Я тоже его страстный поклонник. Посещали выступления?

– Редко. – Олег Владимирович ожил. – Зато он дважды осчастливил меня своим присутствием. Представьте себе: пел в моём доме, на Фонтанке. Кстати, где он сейчас?

– Здесь, в Петрограде.

– Остался при Советах?

– Удивлены?

– Жаль.

– От чего?

– Умрёт. Либо от голода, либо убьют. Сомневаюсь, что в ЧК кто-то ещё, кроме вас, чтит его творчество.

– Пройдёт время – будут почитать.

– Когда будет мёртвым?

– Зачем же так пессимистично? – Бокий прошёл к столу, налил в стакан воды, поставил перед арестованным. – Мы, большевики, как раз за то, чтобы сохранить искусство, для народа.

– Выходит, раньше Фёдор Иванович пел не для народа? – Парировал Белый.

– От чего, ж. Пел то он как раз для всех. Только выходило, что, в основном, для привилегированного класса эксплуататоров. Как думаете, мог рабочий и крестьянин посещать его концерты?

– Но ведь студенты посещали.

– Так-то студенты. Для них даже галёрка специально придумана.

– А элита общества для вас уже не часть народа? Так выходит?

Глеб Иванович рассмеялся:

– Ох, вы и мастер загонять оппонента в угол. Есть чему поучиться. Смертная казнь всё, о чём вы хотели просить меня?

– Нервы не выдерживают. Войдите в моё состояние. Сидеть и ждать, непонятно чего. Да и зачем? Смысл?

– Хорошо, я подумаю над вашими словами. А вот за Фёдора Ивановича отдельная благодарность. Забыл как-то про него в суете. Нужно посетить, узнать, как он? Может, действительно в чём-то нуждается.

* * *

Секретарь убитого Урицкого, Александр Соломонович Иоселевич⁹, худощавый юноша неполных двадцати лет, обладатель густых, волнистых кучерей, роговых очков, близорукое прищурение глаз и сутулого телосложения к тому моменту вернулся с кладбища, но всего на несколько минут: заскочил в комиссариат, по личному делу. Именно в этот момент его и застал Аристарх Викентьевич (Саша остался внизу, на Дворцовой площади).

Если бы Доронин в ту минуту видел следователя, то был бы крайне удивлён произошедшей с Озеровским переменой. На второй этаж комиссариата поднялся уверенный в себе, даже помолодевший мужчина, твёрдая поступь которого с уверенностью направила его к апартаментам покойного Моисея Соломоновича.

Иоселевич, присев на корточки, рылся в ящике стола, а потому, появление следователя пропустил: тому помог толстый, ворсистый ковёр, который застилал пол приёмной. Хлопок закрываемой дверной створки испугал секретаря. Александр Соломонович резко вскочил с корточек, распрямился, быстро мигая ресницами за стёклами очков, уставился на неожиданного посетителя.

– Сегодня неприёмный день, Аристарх Викентьевич. – Произнёс испуганный Иоселевич первое, что пришло в голову. – Если по личному вопросу, приходите завтра.

Странно, подумал Озеровский, с чего он так нервничает? Вон, как пальцы забежали по отвороту куртки.

– Я не на приём, Александр Соломонович. И не по личному. – Следователь огляделся, нашёл стул, придвинул поближе к столу, тяжело уселся на него. – Я к вам как к свидетелю совершённого преступления.

– То есть? – Не понял, или сделал вид, будто не понял секретарь.

Озеровский извлёк из кармана скомканный платок, вытер потный лоб.

– Жарковато, сил нет. Сердце едва не выпрыгивает. – С последней фразой следователь поднял голову, внимательно посмотрел на секретаря, механически отмечая изменения в поведении последнего. – Меня, и товарища Бокия, интересует, по какой причине посещал данное заведение убийца Моисея Соломоновича, гражданин Канегиссер? Сразу отмечу: не в день

⁹ Иоселевич Александр Соломонович – родился 20 апреля 1899 года в семье типографского рабочего. Член РСДРП (б) с 1914 года. С 1917 по март 1918 года – член комиссии по вооружению Красной гвардии, одновременно работал в газете "Солдатская правда". С марта 1918 года секретарь Петроградской ЧК.

совершения убийства. – Платок медленно скрылся в кармане. – Врать не советую: я ознакомился с тетрадью регистрации посетителей.

– Не понимаю, об чём речь. – Иоселевич ослабевшей рукой нащупал стул, придвинул к себе, присел. – Товарищ Урицкий действительно был знаком с инженером Канегиссером. Вполне возможно, знаком и с сыном инженера. А почему преступник приходил сюда? Так, тому имеется объяснение. Скорее всего, убийца посетил комиссариат перед совершением преступления в целях подготовки. Но сие вовсе не означает...

– Перестаньте, Александр Соломонович. – Перебил Озеровский. – Леонид Канегиссер посетил комиссариат двадцать третьего августа, о чём имеется отметка в тетради. Я допросил охрану. Они вспомнили, в тот день Моисей Соломонович отсутствовал до позднего вечера. А Канегиссер приходил днём. И пробыл в помещении комиссариата почти час, точнее сорок минут, о чём тоже имеется отметка. Конечно, можно предположить, будто Канегиссер приходил к товарищу Урицкому, ждал его и не дождался. Однако, я думаю иначе. Потому, как мне известно, о том, что вы лично знакомы с убийцей Моисея Соломоновича. Месяц назад, в конце июля, вы имели возможность встретиться с Леонидом Иоакимовичем дома у вашего руководителя, на Васильевском. Мало того, вы вместе с гражданином Канегиссером покинули жилище Урицкого: в том дала показания хозяйка дома покойного Моисея Соломоновича.

Лоб секретаря покрылся испариной.

– Вы что-то путаете.

– Александр Соломонович, – голос следователя слегка потеплел, – поверьте, у меня даже в мыслях нет, вас в чём-то обвинять. К тому же, я прекрасно знаком с вашей ответственной позицией по поводу расстрела Перельцвейга, с которым вы также были хорошо знакомы. Это мужественный поступок. Я понимаю: вы действительно не можете знать, что происходило дома у товарища комиссара. Но вот то, что происходило в этих стенах, – Озеровский обвёл взглядом кабинет секретаря, – знать должны. Итак, меня интересует последний визит Леонида Канегиссера.

– Я...

– Вы были на месте. Это я тоже выяснил. – Аристарх Викентьевич слегка наклонился к собеседнику. – Александр Соломонович, у меня хватка бульдожья, если во что-то вцеплюсь – не отпущу. К тому же, не вижу причин для молчания: вы проходите по делу исключительно в качестве свидетеля. Или мне пожаловаться Глебу Ивановичу? Как понимаете, я выполняю его распоряжение. Итак?

Иоселевич поёрзал по стулу.

– Но это было так давно...

– Что ж, – Следователь сделал вид, будто собирается покинуть помещение, – будете обо всём рассказывать товарищу Бокию, лично, после моей докладной. Сомневаюсь, что после вы останетесь на данном посту.

– Хорошо! – Выдохнул Иоселевич, и весь осел на стуле, будто сдулся. – Я расскажу. Действительно, Леонид Канегиссер был здесь в августе сего года. – Озеровский отметил: дрожь в руках секретаря усилилась. – Двадцать третьего Канегиссер приехал ближе к вечеру, что-то около четырёх, или в половину пятого. – В шестнадцать сорок, мысленно отметил Озеровский, припомнив запись в тетради посещений. – Он хотел встретиться с Моисеем Соломоновичем, однако того, как вы правильно заметили, не оказалось на месте. Данный факт взбесил Канегиссера. Я пытался его успокоить, однако он не пожелал меня слушать. Перешёл на крик. Матерился, что для него несвойственно. Вы правильно сказали, я знал Канегиссера ещё до покушения. И с его другом, Перельцвейгом, был хорошо знаком. А как иначе, ежели, когда я приезжал на дом к Моисею Соломоновичу, то постоянно натывался на физиономию последнего. Потом этот глупый заговор в Михайловском училище... Урицкий повёл себя, как влюблённый мальчишка: никак не желал подписывать распоряжение о расстреле. После пил, по-

чёрному. Вы говорите, его не было двадцать третьего. Да его четыре дня не было в комиссариате. – Неожиданно зло выпалил Иоселевич. – Приходилось придумывать, выкручиваться, мол, Моисей Соломонович выехал куда-то и затем-то. А на самом деле он дома валялся, в стельку пьяный. А тут этот прибежал. Истеричка! Кричит, руками машет. Понятно дело, из-за Перельцевейга. Ну, я и послал его, куда подале. Он ещё пуще орать начал. Пришлось вытолкать в шею.

– Что кричал?

– Не помню. Что-то о предательстве и мести. Вёл себя, как ревнивая баба.

Слишком много говорит, моментально отметил Озеровский, скорее всего, врёт. Однако, складно, видно готовился.

– После вы встречались с Канегиссером? Хотя бы мельком?

– Нет. – Уверенно ответил помощник комиссара внутренних дел.

Вторично врёт. – Тут же сделал зарубку в памяти следователь. – Старик – лифтёр утверждает, Канегиссер общался с ним в день смерти Урицкого. Причём, не просто общался: убийца поинтересовался, когда прибудет комиссар? И Иоселевич ему ответил. Если бы промеж них была ссора, как утверждает помощник, то никакого бы диалога в тот день не состоялось.

– Понятно. Александр Соломонович, а что вам известно о гражданине Свиридове Степане Фёдоровиче?

Озеровский задал вопрос наобум, просто так, пока обдумывал иной ход. Но именно этот вопрос, как понял следователь, испугал помощника комиссара более всего.

Густые ресницы секретаря за стёклами очков несколько раз испуганно моргнули:

– Простите, о ком?

– Об инженере – путейщике, что проживает в «толстовском доме».

– Не знаю, о ком речь. А кто это?

– Друг гражданина Канегиссера. Ничего о нём не слышали?

– Нет.

– Ну и ладненько. – Всё, сказал сам себе Озеровский, я на верном пути. Больше допрашивать нет смысла. Я знаю главное. – Как говорится, пора и честь знать.

Аристарх Викентьевич встал, протянул руку:

– Простите, что потревожил. Но такова служба. Кто-кто, а вы-то знаете, как у нас происходит.

Александр Соломонович протянул руку в ответ. Та оказалось до противного мокрой и липкой.

Спускаясь по лестнице, следователь мысленно попытался «закрыть логическую цепочку». Однако, из того ничего не вышло.

Иоселевич близко знаком с новым дружкой Канегиссера, рассуждал Озеровский. И тот дружок, Свиридов, вдруг, неожиданно, устремляется в Москву, прямо перед покушением на Ленина. Одновременно, тут, в Петербурге, происходит покушение на Урицкого, в котором, вполне возможно, принимают активное участие служащие комиссариата и Петросовета. Но это пока допуск. Теперь Иоселевич. Мог он руководить операцией по убийству Урицкого? – Аристарх Викентьевич на секунду замер на ступеньке. – Ответ отрицательный. Иоселевич не та фигура, чтобы разработать такой широкомасштабный план. Скорее всего, он исполнитель. Но тогда кто стоит за заговором? Петросовет? ПетроЧК? А, может, еврейская община? Почему община? Да потому, что в этом деле многое завязано на евреях, раз. Второе, Урицкий, в последнее время, тесно контактировал с синагогой. Зачем? Для чего? Особенно, если учесть, что убийца – еврей, убитый – еврей, Иоселевич тоже еврей. И расстрелянный по приказу еврея Урицкого Перельцевейг тоже еврей. Пряма, какая-то еврейская карусель получается.

* * *

Александр Соломонович, спрятавшись за тяжёлой портьерой, глядя в окно, отметил, как следователя встретил у входа в здание комиссариата незнакомый молодой человек, который, судя по всему, специально ждал именно Озеровского. Старик и юноша о чём-то поговорили, с минуту, после чего Аристарх Викентьевич направился в сторону ожидавшего авто, а юноша, пешком, устремился в сторону арки, ведущей на Морскую улицу. Едва машина ПетроЧК тронулась с места, как товарищ Иоселевич тут же кинулся со всех ног вниз по лестнице.

* * *

Яков Михайлович не поленился, сам, лично, прошёл в кабинет секретаря Президиума ВЦИК Варлаама Александровича Аванесова.

– Не отвлекаю? – Присел напротив, так, чтобы промеж них оставался стол.

Председатель ВЦИК считал себя отменным психологом: расположившись, таким образом, он, как бы, на минуту, поставил себя на один уровень с секретарём. Чем, якобы, возвысил того в собственных глазах.

Сын армянского крестьянина, волею судьбы, ставший одним из руководителей молодой, Советской республики, оторвался от бумаг, сквозь линзы таких же, как и у Председателя, очков, вскинул усталый, опустошённый взгляд на Свердлова.

– Да нет. Что-то случилось?

– Как сказать... – Крепкие пальцы Председателя ВЦИК подхватили лежащий на столе карандаш, принялись его крутить. – Как думаешь, Варлаам, ВЧК, самостоятельно, справится с контрреволюцией?

– В смысле? – Не понял Аванесов. – Борьба с врагами революции – прямая обязанность чекистов.

– Я не о том. – Поморщился Яков Михайлович. – Контра стала более активной. Более опасной. Они уже прошли переходный этап от подготовки к вооружённому сопротивлению. Моисей и Ильич яркий тому пример. Сегодня враг мелкими актами не довольствуется, делает попытки пробиться и в армию, и на флот, на передовую. В том числе, и в саму ВЧК.

– Там Дзержинский.

– Да, ты прав. Там Дзержинский. И он знает, что делает. Однако, Феликс не всемогущ. Вспомни июль.

– Есть основания для недоверия Дзержинскому?

– Снова глупости говоришь. – Свердлов сделал вид, будто оскорбился. – Как можно не доверять Феликсу? Если не верить ему, то кому тогда можно верить? Я о другом толкую. Мы пришли к тому, что скоро будем вынуждены объявить о начале террора по отношению к врагам революции. Нет у нас иного выхода. А сил у ЧК, провести такое масштабное дело в жизнь, как, на мой взгляд, маловато. Да и те раздёрганы враздрай. И бандитизмом нужно заниматься, и воровство процветает, беспризорники карманы шмонают, только держись. Про бытовые преступления вообще молчу: не до них. Да что бытовые, если даже дело Володарского два месяца не могут до ума довести. И обвинить никого нельзя: люди работают, чуть ли не круглосуточно, с ног валятся. А тут ещё начнутся проблемы с армией и флотом. Думаешь, командиры полков и кораблей так сразу возьмут и станут во фронт перед ЧК? Ха, как бы ни так.

– Так, может, взять да и расширить полномочия ВЧК?

– Расширить можно. Только каков будет эффект? Возвращаемся к самостоятельности командиров. Нам сейчас только скандалов промеж своих не хватало. А они будут! И ещё вопрос: а если в самом ЧК появятся враги? Они ведь, фактически, бесконтрольны. Нет, Вар-

лаам, тут следует подумать. Поступить так, чтобы и ВЧК не обидеть подозрениями, и установить над ним контроль. Точнее, даже не так. Помочь им.

Аванесов стянул с переносицы очки, принялся протирать линзы специальной салфеткой, которую секретарь прятал в верхнем ящике стола.

– А если создать параллельный ВЧК орган по борьбе с контрреволюцией в воинских частях и на флоте? – Неуверенно озвучил Варлаам Александрович идею Свердлова и Троцкого.

Ну, наконец-то! – Яков Михайлович аж напрягся всем телом, хотя, внешне было незаметно. – Давай, продолжай! Веди мысль до конца!

И Аванесов довёл.

– Что если на базе военных советов в армии и на флоте создать единый, всеобщий военный совет по борьбе с контрреволюцией внутри армейских и флотских структур? А возглавит его пусть Лев Давидович. Он ведь и так нарком по военным делам. Ему и карты в руки.

Слава богу, – мысленно выдохнул Яков Михайлович. Вслух же произнёс следующее:

– Что ж, предложение любопытное. Я бы даже сказал, приемлемое. Только вот, поддержит ли его ВЦИК?

– Могу поговорить с товарищами. Прощупаю, так сказать, почву. Сообщу результат.

– Да, не зря я к тебе заглянул, Варлаам. Не зря. Голова! Только с опросом не затягивай. Сможешь всё сделать до заседания ВЦИК? Кстати, Кобозев в Москве?

– Пётр Алексеевич? Да, видел утром.

– Значит, должен быть где-то тут. Пойду искать. А ты, Варлаам, молодец! Не зря, не зря я тебя выделил из других. Голова!

* * *

– Варвара Николаевна, как это понимать? – Срывающимся голосом едва не кричал секретарь Председателя ПетроЧК в телефонную трубку. – Ко мне только что приходил Озеровский. С допросом!

– Кто приходил? – Чувствовалось, на другом конце провода крайне удивлены услышанным.

– Озеровский.

– С какого.... Так, успокойтесь! Что его интересовало? Какие вопросы задавал? Что вы ему рассказали? Да перестаньте скулить!

Иоселевич с трудом собрал душевные силы в кулак, и, через минуту, более – менее, внятно, описал диалог, происшедший промеж ним и следователем.

– Вы уверены, что Озеровский употребил в разговоре именно фамилию Свиридова?

– Об чём и речь!

Внутри Варвары Николаевны всё оборвалось.

Такого удара она никак не ожидала. Но как? Как старик смог выйти на инженера? Откуда? Точно не от Канегиссера: ни на одной странице допросов студента фамилия путейца не сверкает. Да она и не может сверкнуть, потому, как Канегиссер не имеет никакого понятия о том, чем Свиридов занимается на самом деле. А личные связи студент всеми силами старается скрывать. Но ведь откуда-то Озеровский вынюхал Свиридова! – Рука с силой сжала трубку. – Это полный провал. Катастрофа.

Так, нужно действовать. Может, созвониться с Зиновьевым? Пустое: тот только ещё больше перепугается. Начнёт орать, топтать ногами. И всё без толку. Действовать надо самой. Опять самой... Господи, как она устала тянуть лямку за мужиков!

Так, что делать?

Первое: ни в коем случае нельзя допустить, чтобы Озеровский встретился с Бокием. Судя по всему, информация о Свиридове к Озеровскому поступила сегодня, и Глеб о ней ничего не

знает, иначе бы приехал вместе со стариком. Опять же, старик старой закваски: не перепроверив фактов, не идёт на доклад к начальству. Это она давно заметила. А сие означает, что у неё имеется временной люфт.

– Озеровский был один?

– Нет, – выдохнул на другом конце провода Иоселевич, – с молодым человеком, мне не знакомым.

С новеньким, – догадалась Варвара Николаевна.

– Но тот оставался внизу. – Тут же вспомнил помощник Урицкого. – И как только Озеровский вышел из здания комиссариата, они разошлись в разные стороны.

Слава Богу!

– Озеровский давно уехал?

– Минут двадцать тому.

– У нас его нет.

– Поехал в синагогу. Часовой, у входа, слышал, как Озеровский разговаривал с тем, незнакомцем.

– Понятно. Сидите на месте. Я перезвоню.

Яковлева кинула трубку на рычаг. Так, Озеровский поехал в синагогу, с Глебом не увидится часа полтора: на Гороховую, как доложил Геллер, неожиданно завился один из хороших знакомых Канегиссера, некий Борис Розенберг. Бокий проводит его допрос. Как заметил Сенька, паренёк «обмочился от страха», потому и притопал. Данная фамилия Варваре Николаевне ни о чём не говорила, а потому, она решила, что со стороны Розенберга ей ничто не угрожает, и на допрос не пошла. И, как оказалось, правильно поступила. Теперь можно (и нужно!) с толком воспользоваться данным моментом.

* * *

*Официальный бюллетень № 7 о состоянии здоровья В. И. Ленина (Ульянова)
1 сентября 1918 года, 7 часов вечера.*

Пульс – 125, полный, дыхание – 34, температура – 38. Больной более вял, в зависимости от повышения температуры. Входные раны без признаков воспаления. Повышение температуры находится в зависимости от всасывания крови, налившейся в полость плевры и в область перелома плечевой кости. Общее состояние больного позволяет приступить сегодня вечером к исследованию рентгеновскими лучами доктором Будиновым.

В. Д. Бонч – Бруевич

* * *

Доронин, с тоской во взгляде, наблюдал за тем, как Бокий, Антипов, Рикс и Отто ведут допрос молодого человека, в студенческой тужурке. Тот сидел на привинченном к полу табурете, посреди камеры, следователи расселись таким образом, чтобы допрашиваемый оказался как бы внутри квадрата, от чего тому приходилось постоянно вертеть кучерявой головой.

Демьян Фёдорович хотел, было, откинуться на спинку стула, но тот так заскрипел под ним, что матрос, тут же, принял прежнюю позу, извиняющимся взглядом глянул на Бокия, мол, больше не повторится. Тот покачал головой.

– Итак, ваше имя Борис Розенберг? – Вопрос прозвучал с левой руки задержанного, от Отто.

– С..ссовершенно верно. – Слегка заикаясь, ответил молодой человек.

– Студент? – Вопрос от Рикса, со спины.

– Да.

– Где обучаетесь? – Снова вопрос от Отто.

– П..политехнический институт, четвёртый курс. – Доронин обратил внимание на то, что юноша вёл себя спокойно и уравновешенно: руки не дрожали, не сжимались в кулаки, спокойно лежали на коленях. Голос не вибрировал. А заикание, судя по всему, от рождения. – Учился вместе с Леонидом К...Канегиссером.

– Причина, по которой явились к нам? – Вопрос от Бокия, справа. Голова студента тут же повернулась на голос.

– Хочу дать добровольные показания.

– Об чём? – Вопрос от Антипова, по центру. Заместитель Бокия сидел за столом, вёл протокол допроса.

– О Канегиссере.

– Только об нём? – Антипов макнул перо в чернильницу.

– Ну, как сказать...

Потёк. – Доронин мысленно отметил, как у студенты дрогнули колени.

– Изъясняйте конкретно. Для чего пришли в ЧК? – Вопрос от Бокия.

– Не захотел, чтобы вы провели меня через весь город, под конвоем.

Антипов капнул чернилами на лист, тихо выругался. Бокий только покачал головой: мол, пока пиши начерно, потом перепишешь.

– С чего вы решили, будто мы поведём вас через весь город? – В камере раздался глуховатый голос с характерным прибалтийским акцентом: Отто.

– Я... – Розенберг бросил взгляд на Отто, потом на Рикса, остановился на Антипове. – Я познакомился с Канегиссером год назад. Во время «Корниловского мятежа»¹⁰. В то время я работал секретарём специальной комиссии «по ликвидации дела Корнилова». Леонид Иоахимович часто присутствовал на наших заседаниях. Простите, на заседаниях комиссии.

– В качестве кого присутствовал? – Вскинулся Рикс. – В качестве секретаря Керенского?

Опаньки, – брови Глеба Ивановича сошлись на переносице, – ай да Александр Юрьевич... Вот тебе и юридическая подготовка! Хорошо, что мальчишка начал волноваться, и не заметил такой оплошности. А то чтобы о нас подумал? Впрочем, какая оплошность – обыкновенная, отвратительная халатность.

– Нет. – Словно читая мысли Бокия, отозвался допрашиваемый. – Леонид Иоахимович присутствовал в качестве представителя юнкеров Михайловского училища. После мы долгое время не встречались. По весне дошли слухи, будто он бросил Михайловское, но мне как-то с трудом в то верилось. Однако, так оно и было. Он сам подтвердил. Мы с ним увиделись два месяца назад, в июле. Столкнулись совершенно случайно. Не поверите, на Невском. – Розенберг улыбнулся, впрочем, тут же вновь стал серьёзен. – Леонид был весь какой-то нервный, издёрганный. Возбуждённый. Помню, прошли к Неве, сели на ступеньки. Лёня всё время вёл себя странно: осматривался, будто боялся, что за ним следят. Говорил тихо, еле слышно. Впрочем, то, что он мне тогда сказал, действительно нельзя было озвучивать в голос.

– О чём говорил Канегиссер? – Выстрелил вопросом Бокий.

Резкий поворот головы студента.

– Д...Дословно, не помню.

– Перескажите то, что помните.

Студент прокашлялся, поправил на себе куртку.

¹⁰ Корниловский мятеж (Корниловщина) – неудачная попытка установления военной диктатуры, предпринятая Верховным главнокомандующим Русской Армией генералом от инфантерии Л. Г. Корниловым в августе (сентябре) 1917 года с целью ликвидации Временного правительства и восстановления в России «твёрдой власти».

– Говорил, Советской власти осталось жить всего ничего. Сказал, будто располагает точной информацией о том, что скоро союзники объединят свои силы с чехословаками, и тогда, когда власть Советов рухнет, нам, – Розенберг замер, поняв, что сболтнул что-то не то, – простите, но, это он так сказал, что, мол, нам нужно будет срочно создать государственный аппарат управления Россией, под руководством Комитета Учредительного собрания.

– Почему именно Учредительного собрания? – Вопрос задал Рикс.

Студент повёл плечами.

– Не знаю. Может, верил в него.

– Вам, лично, какой пост предложен? – Вопрос от Антипова попал в «яблочко», Бокий, по тому, как вздрогнул задержанный, отметил данный факт.

– Мне? Мне ничего.

– Врёте! – Не сдавался Антипов. – Испугались, что арестованный Канегиссер первым расскажет о том, что он вам предлагал. Именно потому и прибежали, с повинной. Станете отрицать? На полчаса прекратим допрос, побеседуем с вашим другом.

Плечи студента обрушились, обмякли.

– Мне было предложено стать комендантом одного из Петроградских районов, по собственному усмотрению.

– Согласились? – Продолжал «давить» Антипов.

– Нет, что вы! – Молодой человек резко затряс головой.

– И, тем не менее, его выслушали?

– Да там ничего толком-то и не было предложено. – Голос подследственного взлетел под потолок. – Сказал, мол, давай, и всё. А что всё? Что всё? Я его спрашиваю, а он молчок. Мол, пока сиди и жди. Думай. Надумаешь, дадим денег, немного, но, выживешь.

– И вы дали согласие? – Ай да Антипов...

– Да нет же! – Розенберг вскочил на ноги. – Он спросил номер моего телефона. Записывать не стал, сказал, и так запомнит. Через несколько дней позвонил, назначил свидание на Рождественской улице. Номер дома не помню, потому, как я не пошёл, а оттого и запоминать не стал. Я же сразу понял, что всё это мальчишество и не более того. Больше он мне не звонил, и до августа мы с ним не встречались.

– Сядьте! – Приказал Отто. – И не прыгайте тут.

– Когда вы в августе встретились с Канегиссером? – Вопрос перехватил Бокий.

– Недавно. Дней десять, или пятнадцать назад.

– Точнее?

– Кажется, пятнадцатого, или семнадцатого августа.

– А вот с этого момента, пожалуйста, подробнее.

* * *

– Сенька, – Варвара Николаевна первой вышла на улицу, огляделась по сторонам: никого из знакомых на залитой вечерним, уходящим ко сну солнцем, улице не наблюдалось, – мне нужен человек, который смог бы выполнить одну просьбу. Из блатных.

– Зачем кого-то искать? – Чекист смачно сплюнул на камень тротуара. – Скажи, я сделаю.

– Если бы мне нужен был ты, я бы так и поступила. Кого посоветуешь?

– Смотря, что? – Геллер буравил Яковлеву прищуренным взглядом.

– Ясно. – Зло выдохнула Варвара Николаевна. – По-хорошему, значит, помочь не желаешь? Что ж, Семён, сам себе горб заработал. Словом, так: чтобы завтра предоставил всё, что изъят на квартире Канегиссеров. По описи!

– Так я чего? – Вмиг присел до того наглый молодец. – Я с радостью. Только скажи, что хочешь, чтоб мне было об ком подумать, а там я быстро соображу.

– Ты дай верного человека, а с ним я сама разберусь. А тебе, Семён, лучше нос не совать в мои дела. И думай скорее: мне человек нужен, прямо сейчас.

Геллер почесал кончик приплюснутого, с перебитым в драке хрящом, носа.

– Вот так сразу... И непонятно, для чего...

– Быстрее думай!

Рука чекиста с носа переместилась на ухо, принялась со всей силы его тереть.

– Есть один знакомый. Самсон Карлович. Думаю, подмогнёт.

– Кто таков?

– Барыга¹¹. Человек в городе известный. К нему многие обращаются.

– Ты тоже?

– А чем я хуже других?

– Как фамилия? Кличка? У нас на учёте состоит?

Геллер вторично плюнул себе под ноги. Плевков шлёпнулся рядом с сапогом чекиста.

– Тебе нужен человек, или дело на него? Если хочешь упечь за решётку, я тебе ничего не говорил.

– Где найти твоего Самсона? Да не дрейфь, мне он действительно нужен по личному.

– Сама долго будешь искать. Да и не подпустит он тебя к себе. Я так понимаю, ты не очень будешь рада, если я захочу проводить тебя. Да не стреляй глазками... Ишь ты, будто из маузера шмальнула. Жди.

Сенька скрылся в дверях, для того, чтобы через пять минут вернуться со своим подручным Аркашкой Лаптем. За что чекист получил прозвище Лапоть, о том никто уже не помнил, но вот прижилось, приклеилось оно к нему, да так, что многие стали считать, будто Лапоть и есть настоящая фамилия, и крайне удивлялись, когда видели на листах протоколов странное словосочетание: Аркадий Стрельчук¹².

– Во, – Сенька подтолкнул друга локтём, – проводишь Варвару Николаевну в «крысятник». И смотри, головой отвечаешь.

Тот только хмыкнул, обжёг Яковлеву горячим, голодным взглядом.

* * *

– Та встреча произошла в Павловске. Что там делал Канегиссер, не знаю. Лично я ездил к своей пассии. Но вот, встретились. – Теперь Розенберг с силой тёр ладони рук друг о дружку. – Повторюсь, встретились случайно. Я перед ним извинился за то, что не смог встретиться.

– Вы только что сказали, будто сами отказались от встречи. – Заметил Отто.

– Так оно и есть. – Мгновенно согласился студент. – Это я ему, Леониду, так сказал. А на самом деле, было именно так, как вы говорите.

– Продолжайте. – Перебил Антипов.

– Да, так вот... Я извинился. Он мои извинения принял, однако, упрекнул в нерешительности. Разговаривал со мной сдержанно, я бы даже сказал, холодно. Я ему ответил, мол, каждый сам выбирает свой путь, и не ему мне советовать, что делать. Он вспылil. На что я ответил, что не желаю играть в придуманные игры, которые не имеют под собой почву. Он стал спорить со мной, кричал, мол, никакие это не выдумки, и что он занимается активной деятельностью.

Розенберг замолчал.

– Какой деятельностью? – Антипов перестал писать. – Почему молчите?

¹¹ Барыга (жаргон) – перекупщик краденого, спекулянт.

¹² Стрельчук Аркадий Филиппович – по документам – беспартийный, на деле – убеждённый анархист. В ПетроЧК исполнял обязанности помощника начальника комиссаров и разведчиков Геллера С. Л.

– Я хочу гарантий сохранения моей жизни. – Выдохнул студент.

Чекисты переглянулись. Бокий кивнул головой.

– Хорошо. – Ответил за всех Антипов. – Мы вам предоставим такие гарантии.

– Запротоколируйте свои слова, а я поставлю внизу подпись.

– Договорились.

Антипов быстро написал на листе текст. Розенберг поднялся с табурета, прошёл к столу, прочитал написанное, расписался, вернулся на место.

– Итак?

– Канегиссер признался в том, что он, с друзьями, готовится освободить каких-то людей из тюрьмы. Сказал, если не выйдет их освободить, то тогда они сделают налёт на Смольный, и таким образом заставят власть освободить тех людей.

* * *

Самсон Карлович, в противовес предубеждениям Варвары Николаевны о том образе жизни, который он вёл, оказался на удивление светлым человеком. Толстый, но не обрюзгший. Лицо – луна, с открытой, почти детской улыбкой. Глаза голубые, до синевы, в такие глядеть – одно удовольствие. Голова почти лысая, только с боков короткие, редкие волосёнки. Пушок. От чего, невольно, приходило сравнение Самсона Карловича с одуванчиком. И голос у мужчины оказался соответствующий внешнему виду: высокий, одновременно, густой, будто обладатель его некогда серьёзно занимался вокалом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.